

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ**

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ИМИ)
ЦЕНТР ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

2014 апрель

ВЫПУСК 2 (41)

ЕВГЕНИЙ ВОРОНИН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

ERRARE HUMANUM. КТО ВИНОВАТ?

(СООБРАЖЕНИЯ К МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМУ АНАЛИЗУ)

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ»
2014**

ББК 63.3(0)532
В75

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России

Выпуск 2 (41)
Апрель 2014

Тема: «Первая мировая война. Errare humanum. Кто виноват?»

Главный редактор	<i>Александр Орлов</i>
Редактор	<i>Валентина Шанкина</i>
Компьютерная верстка и дизайн	<i>Кирилл Шанкин</i>

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России

e-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издательство
«МГИМО-Университет»
Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России,
пр. Вернадского, 76

Точка зрения авторов исследования
может не совпадать с позицией и
оценками других специалистов
ИМИ МГИМО (У)

Заказ №
Тираж 500 экз.
Подписано в печать ...

© Евгений Ростиславович Воронин, 2014
© МГИМО (У) МИД России, 2014

ISBN 978-5-9228-1070-8

Аннотация

Столетняя годовщина начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., вошедшая в сознание европейских народов как Великая война, явилась первым тотальным конфликтом, изменившим Европу и мир, отмечается как трагическая дата и в современной России.

Эта война стала не только концом единой цивилизации Европы конца XIX – начала XX вв., но и явила те уроки, которые как никогда актуальны и сегодня. Один из них заключается в признании, что блоковое разделение Европы, расколы, национальные эгоизмы были и есть основными источниками европейских и мировых конфликтов.

Для русского самосознания память о Великой войне вдвойне трагична. Немногие пока в России знают о понесённых ею утратах и ещё более немногие осознают ту, во многом решающую роль, которую она сыграла в усилиях по предотвращению этой мировой войны, в «спасении» европейского мира, в защите не только собственных национальных интересов, но независимости и свободы сербов и бельгийцев, ставших жертвой агрессии. Несмотря ни на что Россия продолжала руководствоваться гуманными началами европейской цивилизации и нормами международного права.

Отношение к международному праву, его принципам и нормам и определяет ответ на вопрос, кто был виноват в развязывании войны. Первой жертвой всякой войны, тем более мировой, всегда становится международное право. Россия и её союзники не нарушали норм международного права, поэтому не могут считаться «ответчиками» за начало Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, европейская цивилизация, Россия, международное право, Антанта.

Summary

The centenary of the First World War of 1914–1918, known in the European countries as the Great War, was the first total conflict, which changed both Europe and the world, is also celebrated as a tragic date in today's Russia.

This war wasn't just the end of the united Europe at the turn of XIX–XX centuries, but also taught lessons, which are most relevant up to this day. One of them is about the recognition of the fact, that the partition of Europe into coalitions, its disruption, national egoisms were and are the main source of European and global conflicts.

In Russian self-consciousness the memory of the Great War is twice as tragic. In Russia a few know about her sustained losses, and even fewer people are aware of her decisive role in preventing this World War, in «saving» the European peace, defending not just her own national interests, but also the independence of Serbians and Belgians, the victims of aggression. Against all the odds Russia continued to follow the humane rudiments of the European civilization and International law.

The treatment of International Law, its principles and norms defines the answer to the question, who was responsible for starting the war. International Law always falls the first victim of any war, including the global one. Russia and her allies did not violate the norms of International Law and thus can't be deemed as «defendants» on the matter of starting the First World War.

Keywords: First World War, European civilization, Russia, International Law, Antanta.

*«Пусть тот, кто ищет, не перестает искать
до тех пор, пока не найдёт,
и когда он найдёт, он будет потрясён...».*

Ап. Фома

Август 1914 г. ознаменовал начало конца единой цивилизованной Европы XIX в. Трагические события 1914–1918 гг., часто называемые Великой войной, стали первой тотальной войной в человеческой истории, в мгновение изменившей лицо Европы. Прекрасная эпоха, *Belle Époque*, исчезла без следа. Символы вечного, казалось, мира, рождённые мирными конференциями в Гааге, остались прерванным воспоминанием. Время «европейской метафизики» чувствовалось утраченным навсегда. Для Томаса Манна это время было самым миром, а война – безумным пренебрежением временем и бегством от него [38, с. 358]. В довоенное время, писал его русский современник Семен Франк, в столь недавнее и столь далёкое от нас время, которое кажется... каким-то невозвратным золотым веком, мы все верили в культуру и в культурное развитие человечества [58, с. 152]. В русском обществе не закрывали глаза и «на тёмные стороны европейской жизни, и эгоизм, и мещанскую пошлость, и ограниченность, жестокость репрессалий в отношении нарушителей буржуазного права и морали, слепой и хищнический национализм» [58, с. 153]. По всей Европе были уверены, что «варварская эпоха смут, международных и гражданских конфликтов казалась... отошедшей в безвозвратное прошлое, окончательно преодолённое гуманитарным развитием нового времени» [58, с. 154].

Наряду с другими европейскими державами Россия являлась неотъем-

лемой частью европейской цивилизации и судьбы. Разразившаяся тотальная Первая мировая война стала для большинства «русских образованных людей совершенной неожиданностью». За несколько дней до её начала, когда «все симптомы были уже налицо, почти никто не верил в её возможность». И в последующем войну считали каким-то великим недоразумением, «несчастной случайностью». Как расскажет позже русский дипломат Юрий Соловьёв, временный поверенный в делах в Мадриде, в канун войны ни он, ни австро-венгерский посол Фюрстенберг, никто из дипломатического корпуса не придали известию о сараевском убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда «всего его рокового значения» [54, с. 239].

Перейдя по законам формальной хронологии из XIX в XX столетие, европейский человек не ощутил никаких перемен. И в Германии в целом продолжали верить в расширение сферы господства разумных начал, бытия, в нравственное улучшение человеческих отношений, основанных на благоразумии, здоровом эгоизме и сотрудничестве [67, с. 22]. Несмотря на всепроникающий декаданс «*fin de siècle*», близкий ущербу ныне доминирующего гламура и китча в медийном, культурном и прочих исполнениях европейская цивилизация с её трагическими проявлениями эгоизма, безверия, гедонизма и т.п. сохраняла свои гуманистические ценности. Последующие десятилетия свидетельствовали о неприемлемых моральных издержках, душевном упадке европейца.

Но «вырождение» Европы не состоялось.

1 августа 1914 г., ближе к вечеру, через Эйдкунен и Вержболово (германская и русская пограничные станции) следовал последний европейский поезд, ставший первым признаком «осени» привычной европейской цивилизации. В те дни Германия была охвачена «истерикой» [10, с. 11–12]. Русским подданным (свыше 14 тыс. человек по консульским данным), в основном путешествующим, включая некоторых членов Государственной Думы, которые не успели покинуть пределы кайзеровской Германии, впервые пришлось столкнуться с «новым варварством» и неслыханным международным беззаконием, не свойственным европейской цивилизации и христианской традиции. В Берлине «лица прохожих дышали ненавистью», появившийся в поезде русский посол Сергей Сербеев сообщил императрице Марии Федоровне, возвращавшейся в Россию, что «объявлена война, и немцы не разрешили ей пересечь германскую границу» [23, с. 46]. Сербеев был как помещанный, вспоминала она, видно было, что он совсем потерял голову и «уже не был послом». Не менее, впрочем, потерянными оказались и немецкий посол в Петербурге граф Фридрих фон Пурталес, в волнении и спешке вручавший министру Сазонову вербальную ноту, передав при этом оба её варианта: один – с мирным исходом – в случае согласия приостановить русскую мобилизацию, другой – с объявлением войны – в случае отказа.

Вынужденная вернуться в датский Видёре (Hvidøre) Мария Федоровна получила известие из Лондона от сестры Александры (британской королевы): «Англия примет участие в войне! Какая большая радость! Мы все от восторга принялись друг друга обнимать». В отличие от Франции, «безоговорочно вставшей на сторону России», британская позиция вызывала некоторые сомнения, связанные с особыми англо-австрийскими отношениями «взаимопонимания» и попытками Лондона

играть роль посредника в Вене и Берлине. В инструкции министра Сазонова послу гр. Бенкендорфу в Лондон предлагалось известить британского министра иностранных дел о том, что русская дипломатия «рассчитывает на Англию, которая не замедлит определённо встать на сторону России и Франции, чтобы поддержать то равновесие в Европе, за которое она постоянно выступала... и которое в случае торжества Австрии будет несомненно нарушено» [65, с. 58]. С началом войны среди союзников Антанты не было сомнений, что выступление Австрии против Сербии в реальности преследовало цель – покончить с влиянием России на Балканах, изменить существующий там status quo и установить австро-венгерскую гегемонию.

Николай Врангель, выдающийся искусствовед, в начале войны записал в дневнике: «сегодня первый день новой эры в истории всего человечества, война, объявленная Германией России, – не случайный эпизод ссоры и алчности двух держав, а поворотная точка, после которой, быть может, вся Европа переменит свою географическую карту и полная перетасовка понятий и ценностей создаст новый мир» [13, с. 15]. «Величие событий – по оценке одного из русских дипломатов тех времен – преобразило людей. То противостояние общества и правительства, которое было хронической язвой всей русской жизни, внезапно куда-то исчезло» [41, с. 29–30]. На историческом заседании Государственной Думы 26 июля (9 августа) 1914 г. проявилось единство всех народов, классов и сословий России. Вынужденная обоснованность причин её участия в войне против австро-германского блока никем не была поставлена под сомнение, кроме известных леворадикальных группировок. Генерал Алексей Брусилов в воспоминаниях отмечал, «что бы и кто бы не говорил и не писал, и какие бы документы не печатались, я... знаю, останусь при моём убеждении, что войну искала и делала одна Германия и что именно она

её начала, ибо Австрия только плясала под её дудку» [7, с. 75]. Военная мысль в России, настроения в императорской армии, в отличие от мнения в политических и общественных кругах, основывались на том, что «предотвратить войну было невозможно не только нам и нашим союзникам, но и самим немцам после принесения ими неисчислимых жертв, исключительно, для поставленной ими идеи выполнения великой патриотической цели» [7, с. 73]. Германский милитаризм рассматривался как «основная историческая угроза» европейской цивилизации и её ценностям. Известный искусствовед и литературовед Владимир Фриче, впоследствии академик советской Академии наук (его родители задолго до войны уехали в Германию), выступил с тезисом, что союзники ведут войну во имя европейской культуры против Германии. «Большинство германских милитаристов – убеждённые противники современной цивилизации», приверженные идее военного могущества Германии, «как *conditio sine qua non* ее политической гегемонии в Европе» [59, с. 179].

Всеевропейский шовинизм расколол цивилизацию. Нормы европейского правового гуманизма были забыты, «мы были отданы на милость толпам, среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов, уцелели чудом» [68, с. 153]. Позже Анри де Монтерлан, бывший французский вольноопределяющийся- доброволец, напишет, что «патриотизм – это страшная болезнь, но не страшнее любой другой любви» [43, с. 100]. Патриотизм переполнял европейское сознание, раскалывая его на сепаратные национальные эгоизмы и предавая забвению христианскую основу любви как высшей человеческой ценности. Запоздалое напоминание Поля Верлена – «любовь к Отечеству есть первая любовь, идущая, однако, за любовью к Богу» [77, р. 349] – вряд ли могло что-то изменить как тогда, так и в последующем. Каждая нация верила в своего солдата. Француз на войне – это «веселье, кротость, терпение»

[77, р. 129]. Бывший русский посол в Вашингтоне Р.Р. Розен, по «рассказам», говоря о состоянии «нерешительности» на западном фронте, предположил, что «французы, по-видимому, будут драться до последней капли русской крови» [13, с. 90]. Патриотические прельщения незаметно превратились в банальный шовинизм, с последующим воплощением в эйфорию ксенофобства, «хмельных мечтаний о крови и розах». Поколение европейцев века надёжности охватила «жажда необычайного, жажда большой опасности». Война обещала им всё: величие, силу, торжество [67, с. 55].

В России антигерманские настроения не сопровождались высоким уровнем ненависти. Русский патриотический шовинизм набрал силу по ходу войны, и уже в 1915 г. развернулась компания борьбы с «московскими немцами». Организация мер по ликвидации «немецкого влияния» возлагалась на специально созданный в 1916 г. Высочайший комитет. Под «немецкое засилье» попадала деятельность торговых домов Кноп, Вогау и др. [24, с. 227–238] Михаил Сабашников прочёл в «Русском слове», что арестованы и высылаются из Москвы проживавшие в ней немцы «по подозрению в шпионаже», в том числе О.Ю. Зюссенгут, его учитель в немецкой школе. Все усилия Сабашникова освободить учителя оказались напрасными, пока он не дошёл до товарища министра внутренних дел Джунковского [52, с. 399–400]. Стоял вопрос об отмене права германских подданных на судебную защиту. Подобное право оговорено в Гаагской конвенции о праве войны от 1907 г., и лишение немцев судебной защиты явилось бы явным нарушением международного права. Сторонники отмены доказывали, что речь идёт о «зеркальной реакции» на репрессалии в отношении русских, лишённых права обращения в германские суды. Сенат подавляющим большинством голосов высказался за лишение германских подданных судебной защиты. Такому решению во многом способствовали настроения в обществе и особенно рус-

ская печать, прежде всего газета «Новое время» Алексея Суворина, занимавшая германофобские позиции и публиковавшая списки русских сенаторов с германскими фамилиями.

Ксенофобские наваждения по периметру фронтов Антанты и центральных держав преодолели немногие. Сказанное в начале войны одним из европейцев, носителем духа великой цивилизации Вальтером Ратенау: «если кайзер въедет как победитель во главе своих паладинов в Бранденбургские ворота, то мировая история потеряет свой смысл» [72, S. 562], к счастью, не подтвердилось и не стало пророчеством. Виновником войны в Европе считали всё-таки Германию, а никакую другую европейскую державу, кайзер же воспринимался как носитель прусского, тевтонского духа. В союзной Австро-Венгрии знали, судя по замечанию Роберта Музиля, что «сами немцы признают, как опасен их народный дух» [44, с. 997]. Военные поражения Пруссии когда-то в Семилетней войне XVIII в., зачинщиком которой она была, напав на Саксонию, навсегда остались в немецкой «памяти реванша». Порождённые взятием русскими войсками Кенигсберга и присоединением его к России, согласно манифесту 24 января 1758 г., страх и ненависть Фридриха Великого, известного в Европе как «философ Сан-Суси» и поэт (не числящийся, кстати, таковым в германских энциклопедиях вследствие пренебрежения к немецкому языку и исключительного пользования французским [69, S. 315], отразились в его французской Оде VI «Северная смута»: «Я вижу их, спешащих к собственной гибели Гиперборейцев, соседствующих с границей Китая... ты, русский бич, чудовище, исторгнутое неприятием из ада» [74, р. 23]. В Оде V «Война» прусский король в отчаянии видит в русском противнике «дитя Сибири, варварскую толпу, превращающую землю в глубокую могилу и делающую Европу грубой мачехой для сво-

их детей, могучее оружие из потрясенной Азии всем предрекающее гибель» [74, р. 20]. В Оде VII «Aux Prussiens» Фридрих Великий, обращаясь к своим «детям Марса» — подданным прусского гарнизонного государства, призывает «быть примером благородства, человечными и кроткими, достигнув будущей славы» [74, р. 27]. В свою очередь великий поэт XVIII в. Александр Сумароков посвятил в те же годы Фридриху Великому следующие одические советы: «Покинь Берлин, начато дело! Трясётся, Фридрих, твой трон» (Ода III «О прусской войне»). Непроизвольный «обмен Одами» короля-солдата и придворного пиита, посвящённый «прусской войне», оказался в практическом отношении во благо русскому оружию:

*Твой Кенигсберг уже во власти
Петровой Дочери теперь,
Престол твой, зыблясь, хочет пасти
Уже к нему близка Ей дверь.*

И совсем торжественно-беспощадно звучало сумароковское предложение:

*Ликуй ты Пруссия, под Нею!
В веселье времена свой страх
[55, с. 13, 42, 15]¹.*

Впрочем, в ретроспективе европеизма как цивилизационного согласия, на взгляд последующих европейских поколений, бывали странные сближения. Это относится, прежде всего, к «мистическому» пространству взаимоотношений русских и немцев, трудно представляемому их сближению, по известному общеевропейскому опыту XX в. Непривычно воспринимаются тургеневские строки из стихотворного послания

«К.-А. Фарнгагену фон Энзе» (7 марта 1847 г.):

*[...] Года
Пройдут — и кончится вражда;
Что, чуждый немцу с колыбели,
Через один короткий век
Сойдётся с ним у той же цели,
Как с братом, русский человек [...]*

Германская герменевтика прочтения тех военных лет у немалой части современных немецких историографов немногим отличается от кайзеровской

¹Из Оды IV.

апологии и задаваемых в этом ключе вопросов. «Почему немцы покинули пространство политического существования в “бисмарковском рейхе”, имея целью продолжить восхождение к вершинам притязаний на господство» [22, с. 196]. Всем европейцам известны свойственные немецкой мысли мистические мотивы с принципом бесконечной кровавой бойни до «последней битвы Рагнарок» в германских мифических традициях Нибелунгов и Вальгаллы («рая павших»). В числе основных факторов возникновения войны считаются иррациональная международная ситуация, диспропорции политического влияния и экономической мощи государств — лидеров европейской цивилизации, ущемлённость в «колониальном вопросе» и особая моральная немецкая энергия, антропологически близкая «пассионарности» Льва Гумилева. С возникновением германской империи, поясняет Людвиг Дехийо, моральная энергия государства должна была пройти фазу предельного расширения [22, с. 196]. «Чувство сжатости со всех сторон становилось всё более ощутимым» в международных делах, несмотря на то, что «экономическая цивилизация только надувала паруса немецкого государственного корабля» [22, с. 197]. Немецкое «геополитическое неблагополучие» в условиях процветающей европейской цивилизации усматривалось во внешних «вызовах»: угроза французского «реванша» с целью возврата Эльзаса и Лотарингии, провал кайзеровских расчётов на непреодолимость англо-русских антагонизмов как фундаментального фактора международной системы, призрак европейской «Антигерманской коалиции» (по причине модальности вторичного немецкого нападения на Францию). Здесь же антигерманские риски и разочарования в поиске «вассальных союзников». Прежде всего, неудачная попытка кайзера склонить русского царя, при личном свидании у острова Бьорке (июль 1905 г.), к «перегруппировке сил» в Европе и «новым союзным» отношениям

с Германией. Доверенное лицо и флигель-адъютант кайзера Хельмут фон Мольтке в своих «Русских письмах» описывал немецкий смысл бьоркской встречи: «Мы ходили кругами политики — и вили трос, конец которого теряется во мраке будущего и который тянет наше отечество... навстречу неведомому» [42, с.143]. Подписанный в Бьорке формальный документ о русско-германском союзе, который высвободил бы, наконец, рейх «из мерзких русско-галльских тисков», по выражению Вильгельма, был денонсирован по настоянию министра иностранных дел Владимира Ламздорфа и премьер-министра Сергея Витте. Возвращение России в формат активной европейской державы с собственной геостратегической игрой крупнейшего славянского государства (несмотря на уговоры Берлина в адрес Санкт-Петербурга «посвятить русские устремления утверждению экспансии своих интересов на Востоке», «не атаковать ли японцев и отбросить их») немало ослабляло кайзеровские претензии на гегемонию.

В Германии и ныне немало уверенных в том, что «радикальный панславизм» действовал как дрожжи, восстанавливая прерванное неудачами на Дальнем Востоке продвижение российских интересов в Европе, прежде всего в направлении балканского юга и центрально-европейского славянства. Рост славянского самосознания на европейском континенте сталкивался с националистическим казарменным пангерманизмом как прусско-тевтонской идеологией. Основная опасность современниками (вне Германии) усматривалась не в пангерманизме как идеологии, а в *Weltmachtspolitik* — политике установления германского мирового господства. Если бы вопрос заключался в пангерманистском смысле, писал профессор Эрвин Гримм, его разрешение было бы куда проще. Пангерманизм представляет «такой же идеологический нарост на фоне немецкой жизни, как панславизм — на фоне русской жизни» [19, с. 6]. Уже тогда Гримм, рас-

смастривавший начавшуюся войну как борьбу народов, высказал убеждение, что для «Германии расширение политико-экономической базы немецкой жизни является вопросом жизни или смерти и что немецкая мировая политика есть немецкая национальная политика, то есть политика захвата места под солнцем» [19, с. 4–6]. Интуиции русского ума не могли не вывести на реальное понимание германских целей, прикрываемых «монархической солидарностью» и «рыцарской прямолинейностью» Гогенцоллернов. Замышлявшийся в Берлине «оборонительный» союз немцев и русских, за счёт нарушения Санкт-Петербургом обязательств перед французским союзником, ни при каких обстоятельствах не мог состояться после заключения в 1879 г. военного союза Германии с Австро-Венгрией, построенного на «верности Нибелунгов». Австро-венгерская империя уже до этого прочно встала на путь противодействия российским интересам по всем азимутам европейской политики. Примечательно, что Германия почти на протяжении века не рассматривалась в качестве государства с враждебными России интересами. Франко-германская дилемма для русской дипломатии существовала всегда, хотя и без явно выраженной последовательности России в этом вопросе. Упомянутые интуиции русского ума делились на германофильские и франкофильские симпатии. Германофобство или франкофобство в политическом смысле не существовало. Наиболее заметно это проявилось в ходе франко-прусской войны 1871 г., когда русское правительство заняло позицию *laissez-faire*, «безмолвной поддержки» прусского удара по Франции, а русская общественность и общественное мнение высказались за французов.

В своём цивилизационном преимуществе были убеждены тогда нейтральные, не участвующие заметно в европейском «концерте», малые страны. Наследники северных «ветеранов» ци-

вилизации — викингов — датчане полагали, например, что появившийся в датском королевстве 800 лет назад «духовный скандинавизм», родившийся в то время, когда «ни немцы не думали ни о каком пангерманизме, ни русские — о своем «панславизме», надёжно противостоял прусской идее фикс расчленив маленькую Данию, объявив южных ютландцев отдельным народом, и в последующем включить их в германский рейх [76, S. 18].

Датские хроники Саксо Грамматикуса, впрочем, настойчиво убеждают в неслыханно диких и безжалостных нравах древних скандинавов и их хёвдингов (Вермунд, Фроде, Фровин и т.п.), подвиги которых сопровождались победным распитием крови врагов [75, S. 117]. Один из героев тех дальних времен по имени Амлет (образ ассоциирован Шекспиром с бессмертным Гамлетом), убиравший со своего пути противников и «соглядатаев», разрубал их на куски, варил и превращал в «свиной корм» [75, S. 83]. В послании читателям вышедшей на русском языке истории датского королевства дипломат и посол этой удивительно прекрасной европейской страны Пер Карлсен напомнил, что «датское общество счастливо сочетает в себе открытость миру и цельность национальной идентичности» [27].

«Тонко разветвленные» международные отношения, благодаря которым лучшие умы Европы были связаны друг с другом, все высокие свершения, планы и надежды были внезапно и грубо разрушены начавшейся в 1914 г. войной [63, с. 183]². Райнер Мария Рильке в немецкоязычной поэме «Пять песнопений» писал: «Восставшим вижу тебя впервые, существовавший прежде, по слухам, далекий невероятный бог войны».

Австрийская судьба проявилась военной трагедией как никакая другая. Гибель кайзеровско-королевской державы, по аббревиатуре писателя Робер-

²Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке. Челябинск, 1998. С. 183.

та Музиля КК — «Какании», конечная история «двойной монархии» предстает образом «мужества и страданием» Европы, от британских морей до русских просторов. Для габсбургской Австро-Венгрии и всей Европы завершился век, названный великим австрийцем Цвейгом «золотым веком надёжности», когда никто не верил в войны, революции и перевороты, и всё радикальное, всё насильственное казалось уже невозможным в эру благоразумия [64, с. 163]. Это чувство надёжности, полагал Цвейг, было всеобщим жизненным идеалом. Надёжность определяла сознание европейцев: от русских до бельгийцев, от шведов до итальянцев, объединённых европейской христианской цивилизацией.

Великая война явилась актом отмены идеи единства Европы, покончила с понятием европейского равновесия. Вестфальский договор 1648 г. как политический и юридический манифест прав и интересов государств, конституировавший европейскую цивилизацию, больше в Европе не принимался во внимание. Августовские события 1914 г. завершили эпоху межгосударственных отношений, порождённых Вестфальским мировым порядком. Долгий конфликт с Францией, «столь плодотворный для формирования современной германской нации», больше не был «достоянием прошлого», по «немецкому» убеждению Людвиг Дехий [22, с. 2]. Европейская цивилизация как «единая идеология» существования политического правового пространства оказалась в состоянии системного кризиса. Многие носили «траур на сердце» с августа 1914 г. Как дипломат, один из героев Сергея Булгакова в статье «На пиру богов», знавший, «что будет стоить эта война и России, и тому, что... дороже России... — Европейскому миру» [8, с. 566].

Немецко-французские «боевые песни» на протяжении трёх столетий приносили непрерывный раздор в европейскую цивилизацию. «В философических письмах» середины

XVIII в. путешествующего наблюдателя Аарона Монсека к Исааку Онису, раввину в Константинополе, как нигде, подробно анализируются военные походы и баталии европейских народов за польское, испанское и австрийское наследство. В центре противоборства — Франция и Пруссия. Из переписки следует вывод, что в те годы «Франция и Германия — одинаковы. У них всегда одни и те же интересы и причины, которые побуждают их затевать войну, которая не прекращается» [73, р. 1].

Мишель Фуко, в своем понимании европейской безопасности, предлагает не забывать, что идею Европы как «политической и юридической целостности, Европы как системы политической и дипломатической безопасности» — именно эту идею «более могущественные державы навязывали Германии всякий раз, когда пытались заставить её забыть» о спящем Карле Великом или Барбароссе [61, с. 396]. Немало учёных «Шарлемани» (то есть ареала, составлявшего Европу Карла Великого) полагали, как и Фуко, что все желали заменить в Германии «бисмарковские» стремления к империи на обязательства перед Европой. В диалоге между премьером Тьером и прусским представителем фон Ранке после «состоявшегося» уже военного разгрома Франции в 1871 г. «и нанесенного Коммуной последнего удара по возможностям французского сопротивления», как рассказывает Фуко на вопрос: против кого ведет войну Пруссия, — немецкий ответ звучал откровением: «...против Людовика XIV» [61, с. 197].

Рефлексии европейской цивилизации на мимо текущее развитие, определявшееся бывшей «пентархией» великих держав времён Священного союза, не отражали реальности надвигающегося вооружённого конфликта. Существовало парадоксальное обстоятельство двух реальностей или двойной реальности. Европа страдала «косоглазием Венеры» (*strabismus Venus*). Двойное зрение сопутствовало, как известно, и всему последующему развитию евро-

пейской цивилизации (видится что-то одно, предпочтительное, остальное — вне внимания). Светлая реальность уверенной европейской жизни, рождённая ценностями и романтическими чувствами прошлого, заслоняла все другие предчувствия и тени, которые периодически возникали в сознании европейцев и которые, казалось, не имели шансов на будущее. Не заметили другой реальности, огромная темная тень которой, ставшая следствием борьбы национальных интересов, цивилизационных противоречий, финансово-экономического эгоизма, политических просчётов и дипломатической близорукости конца XIX — начала XX вв., всё более нависала над Европой. Понять случившееся в 1914 г. невозможно без отслеживания всего ранее произошедшего. Ограниченная перспектива Венского конгресса 1815 г., не ориентированная на адекватность цивилизационному и политическому развитию континента меньше, чем через полвека, вызвала непредвиденные последствия и нестабильную перегруппировку сил. Возникшие военные союзы, менявшиеся по составу и приведшие, в конце концов, к Первой мировой войне, существовали сами по себе, никак не разделяя цивилизационно Европу и мало сказываясь на цивилизованных (за отдельными исключениями) отношениях между государствами, людьми, на культурном многообразии и единстве христианского мира.

Новации на европейском концерте начались с «переориентации» национальных интересов, слабо обоснованная политика «сближения» трёх императоров — Германии, России и Австро-Венгрии — не замедлила оказаться непрочной комбинацией. Период «верности» Пруссии отношениям с Россией в Крымскую войну и при подавлении польского восстания 1863 г., не противодействующая позиция русской дипломатии в ходе франко-прусской и австро-прусской войн 1866 г. отошли в прошлое. Приверженность австрийских Габсбургов общим монархическим

обязательствам уже давно проявляла свою ничтожность. Если бы не верность Пруссии обязательствам перед Россией, развеял петроградский профессор Николай Кареев, удержавшим Вену от перехода на сторону Парижа и Лондона в ходе Крымской войны, дела в Европе приняли бы крайне опасный для российских интересов оборот. Нестойкость и ненадёжность австро-венгерского «союзника» проявилась и в его линии на поддержку предпринимавшихся другими западными державами антирусских дипломатических демаршей против умиротворения в «русской» Польше.

До вынужденного ухода из Италии и исключения Вены под прусским давлением из Германского союза австрийская дипломатия не проявляла в балканских делах приоритетной заинтересованности. Балканский полуостров не был предпочтительной сферой венской геополитики. Потеря Ломбардо-Венецианского королевства и утрата влияния в Италии вынудили Австро-Венгрию искать территориальной компенсации за счёт «балканской экспансии» [29, с. 35]. Активное австро-венгерское продвижение на Балканы, ставшее одним из приоритетов Габсбургов после франко-прусской войны и примирения с Германией, натолкнулось на интересы России. Берлин поощрял расширение присутствия двойной монархии на востоке Европы. Дипломатические миссии «единодушно» информировали свои столицы, что австро-венгерское наступление на славянский юг встретило противодействие «панславистской политики» России, сделав их наиболее вероятными противниками в случае войны на континенте. Между тем, как указывает профессор Кареев, российское правительство ранее, как правило, «не одобряло славянских устремлений как способных нарушить установившийся порядок», да и сами австро-венгерские славяне «отнюдь не покушались не на целостность Австрии, не на права Габсбургов. Аннексия австрийцами в 1912 г. Боснии и Герцеговины явилась

толчком к ренессансу славянского самосознания и началу активного антиавстрийского югославянского движения. Подъем «славянского духа» повёл к тому, что основной «спайкой» австро-германского союза сделались интересы германизма» [29, с. 31]. Бисмарк после 1879 г. не хотел совсем обрывать, по его утверждению, «ту проволоку», которая соединяла Германию с Россией. Было, однако, очевидно, что как бы ни удавались временные шаги по сближению и даже отдельные договорённости, будущее их развело окончательно.

Русско-австрийский разрыв «чувствительно» переживался в Вене. Ещё помнили союзническую помощь России в ходе подавления венгерской революции 1848 г., русскую поддержку Габсбургам в их борьбе с Пруссией за первенство в Германском союзе. Последующая непримиримая антироссийская рефлексия наиболее враждебно выразилась, например, в поэтическом дневнике последней императрицы Елизаветы Габсбургской, сравнившей русско-австрийское противостояние с «преследованием австро-венгерского зайца русской борзой». Дневниковая стихотворная запись императрицы («Охотничье улюлюканье») как бы предвидит конец габсбургской державы:

*Я бедный, загнанный заяц,
Вселяющий покой,
Но лишь при звуке горна бегу своей тропой,
Есть русская борзая,
Несущая мне зло,
И знаю час, когда затравлен буду
Намертво [71, S. 78–79]³.*

Имперская «заячья» судьба близко совпадает с лесковской историей о заячьем «ремизе», о мнимом покое зайца, который привык спать с открытыми от страха глазами.

Оказывавшая «неженское» активное влияние на австрийскую внутреннюю и внешнюю политику Елизавета («страстно» поддерживавшая венгров

и не любившая славян) придерживалась антирусского настроения и не верила в «уверения дружбы» на свидании русского и австрийского императоров Александра III и Франца Иосифа в Кремзире в августе 1885 г. В Кремзире (ныне моравский город Кромержиж) были утрачены последние надежды на русско-австрийское примирение и взаимопонимание в славянских делах. Несколько непривычно, даже для сегодняшнего дня, звучат оскорбительные, недостойные пассажи в стихотворении «Kremsier» австро-венгерской императрицы, относящиеся к царской семье и русскому царю (Affen, обезьяны; Pavian из далекой азиатской страны) [71, S. 76–77]⁴. С неприятием всего русского маленькой имперской поэтессой вряд ли согласился бы великий австриец Райнер Мария Рильке, писавший, что «во всём русском есть великая гордость... когда я буду знать язык, я буду чувствовать себя до конца русским. Тогда я трижды, как православный, поклонюсь Знаменской, которую я люблю больше всего» [50, с. 169]⁵. «Но с чем же может граничить Россия...» — спросили Рильке — «Да, — подтвердил я, — с Богом» [50, с. 395]⁶.

Цивилизованные европейцы, ставшие непримиримыми противниками, предали иллюзиям и искушениям тотальной победы любой военной ценой. Сомнения насчёт окончательной победы твёрдого амбициозного убеждения, что «самая искусная и уступчивая дипломатия не может предотвратить войну», подтвердились как обоснованные. Испытание военным временем никого ничему не учило, о цивилизационных обрывах и жизни будущих поколений в Европе не задумывались. Постигавшиеся в европейских лицах и гимназиях уроки древнегреческой цивилизации, как «основания» Европы, были забыты.

³Перевод автора.

⁴Перевод автора.

⁵Письмо Е. Ворониной.

⁶«Рассказы о Господе Боге».

Рапсод Гесиод в своих «Трудах и днях» предвидел неразумность человеческой жизни («жили те люди, как боги, со спокойной и ясной душою... грозная их погубила война и ужасная битва»), предсказав, что дети будут «рождаться с седыми висками». Один из необыкновенных русских писателей, благоветливый духом, прошедший «путём отцов» аномии и экстремы века, Сергей Фудель заметил насчёт человеческого сомнений: чем больше шума и железа истории, тем всё труднее сохранить в себе память христианскую [60, с. 4].

Уровень братоубийственной, неевропейской ненависти мало отличался от варварских феодальных и религиозных войн. «Обмен» листовками-прокламациями, психологически подрывающими боевой дух противников, стал первым явлением фронтовой пропаганды как нового вида оружия, впервые применённого наряду с ядовитыми газами в Первой мировой войне. Военно-стратегические цели и задачи боевых операций сторон не оставляли надежд на цивилизованное благоразумие и возможность примирения. Солдатский стихотворец-пропагандист Эрнст Лиссауэр в листовке «Гимн ненависти» при отступлении из Восточной Пруссии зимой 1914–1915 гг. провозглашал, «что нам русский и француз, выстрел за выстрел и удар за удар, мы их не любим, мы их ненавидим... у нас есть только одна ненависть» [4, с. 216–217]. Немцы «склоняли» русских переходить к ним «с ружьём», за которое обещалось 7 рублей, водка и табак. В листовке-ответе за авторством рядового Зосимы немцам вменялась «серость», выражалась готовность ответить на подобное предложение «пулей», рекомендовалось, «перебив офицеров-юнкеров», перейти к русским [4, с. 322, 324].

Непредвиденность оперативных масштабов начавшейся войны явилась общим просчётом военного руководства всех воюющих сторон. Роковые стратегические ошибки в планировании операций и в расчётах национальных ресурсов повлекли за собой их долго-

временную боевую неподготовленность и длительный период окопной войны, включая германскую, казалось бы, отобюрокраченную военную машину. Хотя к началу войны германская армия, в отличие от противника, почти полностью завершила реорганизацию, согласно закону 1913 г., вскоре обнаружился серьёзный просчёт в оценке людского ресурса в части соотношения численности армии и тылового человеческого потенциала (вынужденность принятия «кризисной программы Гинденбурга» о возврате в военную промышленность 125 тыс. призванных в армию) [6, с. 605]. В более двусмысленном положении оказывалась предвоенная русская промышленность. Как признавал экономист М.В. Новорусский, когда разразилась война, «наши промышленные круги, жившие на привозе из Германии», тотчас почувствовали, что почва колеблется у них под ногами. «Наше порабощение» германской промышленностью выражалось в зависимости, объяснимой тем, что «производство велось наполовину в Германии, сюда же доставлялись полуфабрикаты, которые приобретали окончательную форму в России» [45, с. 467]. В стратегическом смысле практика совместного промышленного и иного производства, то есть в современном понимании — joint venture, оказывалась ущербной. В начальный период европейской войны проявилось наиболее заметное несоответствие потенциалов и реальных возможностей воюющих держав в достижении военных целей, в том числе согласно германскому «плану Шлиффена», а затем его варианту за авторством Мольтке, предполагавшему обычную для немцев стратегию фатального блицкрига. В новых для Берлина геополитических условиях «войны на два фронта» быстроту и стремительность германского удара возможно было бы обеспечить только на Западном, но не на Восточном театре военных действий [6, с. 608]. В русском генштабе считалось, что как бы быстро «германцы не сосредоточили свои силы на Востоке, вторжение их

в Россию, благодаря громадной территории Восточного театра, их военный успех был бы не возможен». Военный аналитик Н. Борин полагал, что в Германии прекрасно сознавали, что как только «они втянулись бы вглубь России и растянули свою операционную линию, англо-французо-бельгийцы, развив операции, с полной мощью напали бы на них с Запада» [6, с. 608].

Генштабист и военный теоретик, генерал-майор, а затем комдив РККА Александр Свечин позднее указывал на опасность подобных иллюзий и доставшейся в наследство от «старого режима пуховой перины», которую представляют мысли о бесконечности русской территории, являющей широкое поле для отступлений и неуязвимость для внешнего врага политического центра; о русской зиме, которая остановит всякое вторжение [53, с. 446]. Европейские народы, утверждал бывший генерал, «шире нас использующие благоденствия Гольфстрима», вполне способны и к зимней войне в русском климате. В условиях новых времен комдив Свечин «крайне неблагоприятно» оценивал начальные русские военные операции прошедшей войны. «Немцы одержали один из своих важнейших успехов (Так в тексте. — *Е.В.*) над нами в зимнем сражении в Августовских лесах, имевшем характер удивительного состязания двух армий в снежную метель». «Успех германцев» при отражении русского вторжения в Восточную Пруссию в августе 1914 г. через несколько лет расценивался комдивом как «успех голодного, припертого к обрыву отчаявшегося человека над сытым буржуа» (Так в тексте. — *Е.В.*). Неудивителен и «транзит» политического сознания от генерала к комдиву: «только германская революция представляет для России положительный интерес в Европе» [53, с. 446]. Судьба русского офицера, как почти всех не проникнувшихся «классовой схоластикой», прошедших путём от двуглавого орла к красной звезде, не могла не оказаться трагичной и забвенной. Дважды аре-

стованный военный академик РККА в 1938 г. был «подписан» к репрессии по первой категории (№ 107) по представлению И. Шапиро. Осужден и расстрелян 29 июля 1938 г. за «контрреволюцию и терроризм» в числе 138 бывших офицеров императорской армии («За» — Сталин, Молотов). Иная офицерская судьба сложилась у старшего брата — Михаила Свечина, лейб-кирасира, генерал-лейтенанта, закончившего дни в изгнании в 1969 г. во французской Ницце и похороненного на русском кладбище Кокад. В 1918 г. старший Свечин командовал обороной Новочеркасска против РККА, участвовал в степном походе Добровольческой армии, в антибольшевистском восстании на Дону. В составе дипломатической миссии от казачьей Донской республики направлялся на Парижскую мирную конференцию в Версале, один из руководящих чинов РОВС. Его сын, Андрей Свечин, известен как староста русской православной церкви. Память генерала М. Свечина поминается в Никольском соборе, там, на Лазурном берегу.

Той же дорогой «тернового венца» прошёл военный мыслитель, выдающийся ученый-востоковед, бывший генерал-лейтенант Александр Снесарев. С необъяснимой для боевых друзей по Великой войне позицией «не принявшего» революцию, но оказавшегося в рядах РККА. Мотивация поступка — наступление кайзеровских войск весной 1918 г. Классовое подозрение в отношении бывшего генерала тянулось со времени защиты красного Царицына, устоявшего против Добровольческой армии под воинским верховенством Снесарева. Он продолжал носить «николаевские погоны», несмотря на ненависть комиссара-студента Зейдена и противодействие присланного «чрезвычайного комиссара по отгрузке хлеба» в Москву Сталина. Стараниями комиссаров отстранённый от командования и помещённый за «изменнические» действия на арестантскую баржу («баржевое дело») Снесарев всё-таки сделал, несмотря ни на что, академическую ка-

рьеру в РККА, создал Институт востоковедения. Дважды приговаривавшийся к расстрелу, заменённому Сталиным на десять лет «каторги» в Соловецком лагере СЛОН, досрочно освобождён умирающим. Скончался в Москве в 1937 г.

Немалая часть офицерского корпуса и генералитета, «светильников русской чести» в мировую войну, поверила лозунгам «пламенных знамен: свобода, равенство и братство». Не прельстившийся ни красными бантами, ни красными лозунгами корнет Владимир Палей, заживо сброшенный в июле 1918 г. новой властью в 60-метровой глубины шахту Нижняя Селимская в Алапаевске, запишет пророчество обманутых судеб: «но пролетит короткий срок, погаснут дьявольские бредни, и воссияет крест высок, когда наступит Суд Последний» [47, с. 188].

По «делу Весна», организованному ОГПУ в 1930–1931 гг. в отношении командного состава РККА, было арестовано свыше трёх тысяч, в основном офицеров, служивших в русской императорской армии, включая бывших белых, перешедших к красным [16, с. 185]. Устроителем провокации «Весна» был «стахановец» ОГПУ Израиль Моисеевич Леплевский, при неопределимой поддержке Ягоды доведший «гвардейское дело» до заговора и процесса масштаба гражданской «вредительской Промпартии» [16, с. 185]. Только в бывшей северной столице в мае 1931 г. было расстреляно свыше тысячи командиров-офицеров. Французская трагедия 1789 г. повторилась в русской смуте в немыслимой гипертрофии.

Предвоенные армия и гвардия России, необходимо признать, были подготовлены, по свидетельству генерала Алексея Брусилова, неудовлетворительно, особенно в техническом отношении. Если бы военное министерство не занималось «преимущественно войной с Государственной Думой, а шло бы с ней рука об руку, то результат подготовки был бы иной» [7, с. 67]. Талантливый военный публицист, генерал-лейтенант

Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин, успешно командовавший 29-й пехотной дивизией в августовском наступлении в Восточной Пруссии, главное пагубное воздействие на боевой дух русской армии усматривал в «плодах цивилизации... повсюду преобладавшем материализме и господствующих мещанских взглядах, стремлении к роскоши и какой-то нервной трусливости...». «Военная беда наша в том, что мы обладаем нервной армией», — полагал генерал. «Нервность» армии, то есть психологическая неподготовленность, явилась «одной из основных причин наших неудач в войне с Японией...» [51, с. 288, 299]. То же утверждает у Бунина старичок-мещанин: для войны нужна смекалка и «невры» хорошие. А у нас в головах мухи дерутся... [9, с. 103]. На проявления особого «психоза войны» указывал тогда академик Владимир Бехтерев («из физических симптомов надлежит отметить местную болезненность и гиперэстезию в области головы со стороны пролетевшего снаряда»). Для ментальной и политической психологии Европы не бесследными оказались бехтеревские военные психоневрозы: «подавленность и угнетение с ясно выраженной тоской, ипохондрические жалобы, наряду с поразительной аффективностью и оживленными сновидениями кошмарного характера, преимущественно из военных переживаний» [5, с. 594–595]. Кстати, судьба академика Бехтерева, великого медика-психиатра (как и многих его «аполитичных» современников, кому довелось жить в стране с «репрессивным режимом»), женившегося вторым браком на молоденькой племяннице Ягоды Берте Яковлевне, оказалась трагичной. Его неожиданная смерть в 1927 г. связана, по мнению его правнука, С.В. Медведева, с поставленным диагнозом Ульянова (Ленину) — сифилис мозга [49].

В те роковые времена, напоминает Иван Бунин, «была старая армия, была дисциплина, страшное сознание, что нельзя не подчиняться государству, Отечеству, власти — и была икона». Те

жестокие времена порождали жестокую военную психологию, но и сохраняли рыцарскую верность обязательствам, понятиям воинской чести и достоинства. Черчилль назвал эти годы битвой «нового Армагеддона», когда мировая война стала последней, где ещё в целом, как правило, соблюдались принципы гуманного отношения к противнику.

В соответствии с русско-французской конвенцией при нанесении кайзеровской Германией основного удара по Франции русский северо-западный фронт генерала Жилинского, в составе 1-й армии генерала Ренненкампа и 2-й армии генерала Самсонова, должен был начать развертывание и последующее наступление на 14 день мобилизации. На 29 день с момента мобилизации должен быть готов и юго-западный фронт генерала Иванова, в составе 4-й армии генерала барона Зальца, 5-й армии генерала Плеве и 3-й армии генерала Рузского. Отдельная 6-я армия генерала Фан дер Флита в Санкт-Петербургском военном округе обеспечивала защиту подходов к столице, 7-я армия генерала Никитина «закрывала» южное направление в сторону Одессы. Такова была карта позиционного развертывания русской армии.

1-я армия генерала Ренненкампа выдвинулась к 1 августа на восточно-прусскую границу и 4 августа начала её переход. Строгое соблюдение обязательства перед союзниками выступить на 14 день после мобилизации, хотя мобилизационная готовность северо-западной армии могла быть реальной лишь на 22 день, расценивалось генералом Деникиным как легкомысленное. «Самопожертвование наше» в пользу Франции было одной из важных причин последовавшей катастрофы в восточно-прусской операции. «Это был провал генерала Жилинского как командующего фронтом» [21, с. 243]. Возлагавшиеся надежды на двух опытнейших русских генералов, Ренненкампа и Сазонова, «вынесших блестящую боевую репутацию из Японской войны»,

не оправдались. 1-я и 2-я армии, наступая в районе Мазурских болот, должны были отрезать немецкие корпуса от Вислы и овладеть Восточной Пруссией. В бою у Гумбинена 7 августа 1914 г. Ренненкампа нанёс корпусу генерала Макензена тяжелое поражение, несмотря на превосходство немцев в артиллерии (500 орудий против 380). Командующий 8-й прусской армией фон Притвиц, «ошеломлённый разгромом корпуса Макензена, пал духом» и принял решение очистить Восточную Пруссию, отступив за Вислу. Оккупация «колыбели Гогенцоллернов» и гнездовья германского юнкерства, как и во времена Фридриха Великого, стала реальностью. Графиня Марион Денхофф в своих мемуарах «*Kindheit in Ostpreussen*» (книга подарена в сентябре 1992 г. читателю – русскому дипломату) отмечала столь великую панику в прусском поместье Фридрихштайн, что её, пятилетнюю девочку, с другими детьми срочно переправили к родственникам в Саксонию [70, S. 14]. Послевоенный русский аналитик Антон Керсновский разъяснял в своей книге, что, «спасая Париж, мы, прежде всего, спасали самих себя» [30, с. 178]. Как полагали многие русские теоретики «войны» и дипломаты «мира», обязавшись наступать «не готовыми армиями» уже на 14 день войны, командующий фронтом Жилинский своим недомыслием сорвал русскую стратегию войны с Германией. В России никто не подвергал сомнению, что союзники по Антанте имели право требовать вторжения русской армии в Восточную Пруссию. Более того, считали, что союзнический долг даёт право французскому главнокомандованию право просить «и даже требовать ускорения русского наступления». Но главнокомандующий генерал Жоффри «не был в праве навязывать нам свои соображения о походе на Берлин с левого берега Вислы, указывать нам маршрут с Мокотовского поля на Темпельгофский плац» [30, с. 178]. Наверное, слишком несправедливо и эмоционально звучит оценка «русского душой» парижани-

на Антона Керсновского, что генерал Жоффер «помыкал нашими главнокомандующими как сенегальскими капралами» [30, с. 179]. Ущерб подобного «соглашательства», впрочем, очевиден. «Во имя химеры» не состоявшегося, в конечном итоге, похода пришлось серьёзно ослабить два ударных корпуса (Гвардейский и I-й армейский) генерала Ренненкампа в канун «удара» в Восточной Пруссии.

Возвращение мирных беженцев-пруссаков, как и всей Пруссии, под сень германского орла состоялось лишь после победы Гинденбурга под Танненбергом и отступления России. По оценкам генерала Брусилова, в начале войны у немцев «всё шло, как по маслу», надо понимать в Бельгии и северной Франции, но вторжение 1-й и 2-й русских армий в Восточную Пруссию «заставило Вильгельма потерять равновесие». С Западного фронта на Восточный было переброшено два корпуса перед «самым сражением на Марне, которое решало участь кампании» [7, с. 75].

Определяющим для русской стратегии в кампании 1914 г. на восточном театре было добиться оперативной обстановки, которая позволила бы оттянуть с бельгийско-французского фронта ударную силу германской военной машины, не сообразуясь с реальным потенциалом боеготовности русского северо-западного фронта. Армия Ренненкампа и армия Самсонова, писал Брусилов, были разбиты, и наше наступление на Восточную Пруссию — отражено, но немцами «проигрывается Марнское сражение, затем и война» [7, с. 76]. Генерал Деникин позже указывал, что французский маршал Фош имел благородство сказать впоследствии: «Если Франция не была стёрта с лица Европы, то этим, прежде всего, мы обязаны России» [7, с. 244].

Котёл, в который на юге Мазурских озер попала 2-я армия Самсонова, явился следствием соединения «клещей» 151-й Эрмландской пехотной дивизии 1-го германского корпуса и 5-й гусарской дивизии 17-го корпуса под

командованием генерала Блюхера. По утверждениям немцев, в плен попало почти 90 тыс., русские потери убитыми и ранеными достигли якобы 50 тыс. человек. Генерал Самсонов, едва вырвавшийся из окружения, не смог пережить катастрофу и, как утверждается, «застрелился». Один из гвардейских офицеров, очевидцев событий, рассказывает о смерти генералов Самсонова, Мартоса и Пестича вследствие германского артобстрела на оставшиеся части и штаб корпуса армии [14, с. 191]. Ещё более трагичной, как отмечает генерал Деникин, была судьба генерала Ренненкампа, павшего духом вследствие распространения слухов, будто «Ренненкампф предал Самсонова». Никакие оправдания или доказательства для него были невозможны, несмотря на то, что для военного сообщества было очевидно, что августовская катастрофа явилась следствием бездарного руководства командующего фронтом генерала Жилинского. При Временном правительстве Ренненкампф содержался под арестом по лживым обвинениям. Был расстрелян по приказу красноармейского «главоверха» Антонова-Овсеевского за отказ служить в РККА против белой Добровольческой армии [28, с. 306].

Битва под Сольдау 26–31 августа 1914 г., названная фельдмаршалом Гинденбургом Танненберг в связи с победой на этом месте славян над тевтонскими рыцарями, была одной из наиболее успешных операций немцев в ходе войны. Но Танненберг вряд ли относится к образцам немецкого военного искусства, определявшего военный успех Германии под Капоретто над итальянцами в октябре 1917 г. или мартовского наступления против британского экспедиционного корпуса в 1918 г. Танненбергская битва, по мнению союзников по Антанте, лишь «временно подорвала силы русских». Ренненкампф силами своей армии, отступив к русской границе, контрнаступлением выбил немцев с занятых позиций, отвоевав значительную часть потерянной территории. Русские войска вновь оказались на рубежах

августовского вторжения в Восточную Пруссию [31, с. 186].

Природу титанической борьбы на восточном фронте, как понимает её британец Джон Киган, трудно представить себе на цивилизационном или личностном уровне. Но вряд ли справедливо убеждение, что «живой опыт» солдат царской армии и солдат австрийского кайзера, то, чем они жили во время манёвров и военной кампании 1914 г., не запечатлён в памяти [31, с. 201]. Антропологический образ европейского противостояния и жертв братоубийственной войны не потерян. Впрочем, исторический опыт на этот счёт в австрийских, французских, немецких, британских и других условиях совсем иной, нежели в русских обстоятельствах. Киган ссылается на отголоски людской памяти, которые «можно отыскать в венских церквах», хотя захоронения павших на полях Великой войны можно встретить по всей Европе, кроме России.

В Stephanskirche маленького городка Баден в Венском лесу целый придел храма посвящён памяти множества сограждан, павших за Бога, кайзера и отечество в 1914–1918 гг. Трогательная европейская и национальная человеческая традиция сохранила доски в память жизни тех, кого унесла война. Свято поминаются имена пехотинца 4-го полка Ульриха Фашинга, убитого 25 августа 1914 г. на сербском фронте, капрала 3-го драгунского полка Йозефа Ангерля – 20 августа 1916 г. под Перемышлем на русском фронте, лейтенанта 3-го горного арtpолка барона Александра фон Баха – 29 октября 1917 г. в итальянских Альпах...

В русской памяти о Великой войне и её солдатах не сохранено почти ничего. В силу происхождения коминтерновского Совета народных комиссаров и последующего тоталитарного режима помнить о «святой Руси – бывлой России» не допускалось. Это была страна не их, захвативших государственную власть и сломавших русское будущее. Нет ни памятников русским солдатам

Великой войны, ни кладбищ, давно уничтоженных. На Венском военном кладбище «Friedhof», среди похороненных «союзников», французов, сербов, британцев и итальянцев, вы не встретите русских солдатских могил, исчезнувших, как рассказывают венцы, после 1945 г. Есть понимание, что подсоветская психология и «классовое невежество» не преодолены и о человеческой трагедии России и всей Европы тех военных лет в нашей стране не знают и знать особенно не хотят. Появившиеся в последнее время воспоминания и письма русских генералов и других свидетелей событий тех лет из «русского рассеяния» исчерпывающего источника не представляют.

Кайзеровский план Шлиффена в «исполнении» начальника генштаба Мольтке-младшего предусматривал решающую военную операцию по разгрому Франции на 40 день войны. По расчётам Берлина восточный противник – Россия – был потенциально способен развернуть активные боевые действия через пять-шесть недель после мобилизации, в течение которых Германия, разгромив Бельгию и французскую армию, до масштабной высадки англичан, оказалась бы у стен Парижа. Условия капитуляции Франции и принуждения её к миру должны были бы состояться не в формате французского поражения во франко-прусской войне 1871 г., а на основе безоговорочного признания «тотальной» кайзеровской политической и военной гегемонии в Европе. Сентябрьское наступление и победа армий русского юго-западного фронта в Галиции и Карпатах над австро-венграми также явилась «спасительной» операцией для французского союзника [30, с. 179]. Галицийское поражение, вследствие просчётов главного австрийского стратега генерала Конрада фон Гетцендорфа, могло стать фатальным, близким к разгрому и скоротечному выводу империи Габсбургов из войны к октябрю 1914 г. Опрометчивая незавершённая русская преследования разбитых австро-венгров, потеря времени на осаду «ни-

кому не нужного Перемышля» явились основными причинами, как было принято тогда считать, ускользнувшей победы Антанты [30, с. 179]. В затяжной войне не бывает побед без поражений. Поражению Австро-Венгрии в Галицийской битве в августе 1914 г., явившейся совокупностью военных операций от Вислы до румынской границы, предшествовали и неудачи русского оружия. Ход всякой войны подтверждает, что однозначных успехов военных кампаний быть не может. 10 августа 1914 г. 1-я австро-венгерская армия генерала Данкля нанесла поражение под Красником 4-й русской армии генерала барона Зальца, направлявшейся к Перемышлю, разгромлен был и 14-й корпус генерала Войшин-Мурдас-Жилинского, в итоге — отступление к Люблину. Трёхнедельная Галицийская битва завершилась победой одних европейцев — русских — над другими европейцами — австро-венграми. Антропология событий поражает масштабами кровопролития. В лейб-гвардии Московском полку в «прорыве» под Тарновом «убыло» 63 офицера и 3 200 солдат, почти весь полк, в Гренадерском — 50 офицеров и 2 500 нижних чинов. Германо-австрийский противник потерял 13 тыс. человек. Галицийская победа, взятие Львова, крепости Перемышль дали неслыханное количество пленных, захваченных орудий и т.п.

Эти русские военные успехи не имели определяющего значения так же, как и победы союзников и противников на Марне, при Танненберге, у Капоретто или под Верденом для цивилизационного будущего Европы.

Европейская память, хранящая события, легко утрачивает имена многих людей, в них участвовавших. Можно знать о «славных боях» 27-ой пехотной дивизии, «уфимцах» (Уфимский пехотный полк), взявших германское знамя, но «полегших» в Августовских лесах. Но вряд ли кто вспомнит полковника 106-го Уфимского полка Константина Отрыганьева, попавшего раненым в немецкий плен, умершего в прусском

госпитале в марте 1915 г. и похороненного на Первом гарнизонном кладбище в Кёнигсберге (не сохранилось). Константин Прокофьевич Отрыганьев, окончивший в 1882 г. Тифлисское юнкерское училище, участник русско-японской войны, происходил из известной купеческой семьи Ярославля (считается, что из этой же семьи Отрыганьевых происходил и святой подвижник XVI в. Василий Мангазейский). Георгий Константинович Отрыганьев, его сын, известный биолог, умер в 1960 г. в Москве.

Не может забыть Европа, разумеется, и примеры высокого человеческого духа и нравственной силы, когда речь идёт о защите бельгийского Льежа, жертвенной самоотверженности Русского экспедиционного корпуса во Франции (Мурмелон) и на Балканах (Салоники), сербском отчаянном сопротивлении австро-венгерской агрессии. Августовская оборона бельгийцами Льежа стала, как и трагедия всей нейтральной Бельгии, откровением европейского гуманизма, стойкости и приверженности принципам человеческого достоинства и морали. 3 августа 1914 г. бельгийцы нотой отклонили ультимативное требование Берлина о проходе германских войск через территорию своей нейтральной страны. Льеж явился первой бельгийской современно оборудованной крепостью из 12 фортов по берегам р. Маас, с мощной артиллерией — почти 400 орудий, в том числе калибром 200 мм — и с гарнизоном около 40 тыс. человек. На послание кайзера с требованием *de facto* отказа от нейтралитета и согласия на нарушение норм международного права король бельгийцев Альберт дал команду генералу Жерару Леману, коменданту Льежа, взорвать мосты через Маас и держаться «до последнего». Оборона крепости Льеж вошла в военную историю Европы как бельгийская Брестская крепость. Направленный командующим немецкой группировкой генералом фон Эммихом к коменданту Леману парламентар капитан Бринкман, ранее немецкий военный агент (атташе) в Брюсселе, с

целью «договориться» о цивилизованной капитуляции вернулся ни с чем. Крепость пала после двух недель ожесточённой обороны и 16 августа после применения немцами гаубиц Круппа калибром 420 мм и австрийских осадных орудий «Шкода» калибром 305 мм капитулировала. Впрочем, оказавшаяся в подобной ситуации на Восточном фронте русская крепость Осовец на р. Бобр (стык Гродненской и Ломжинской губерний) выдержала немецкую осаду в течение шести месяцев и не капитулировала, дождавшись русского контрнаступления в марте 1915 г. [28, с. 310].

Великий бельгиец Эмиль Верхарн в «Героях Льежа» обратился к будущей Европе: «Вы, люди завтрашнего дня! Быть может всё сметёт вдоль наших побережий клятвопреступная смертельная война, но не забудет век под солнцем ни одна душа о тех, кто чашу пил до дна там, в Льеже». Не воспринимаемым кощунством проглядывают «критические строки» в оценке Верхарна, поэта Парнасской школы, обвинённого в неспособности его книги «Алые крылья войны» (поэма «Герои Льежа») соединить скорбь о страданиях с «ненавистью, которая могла бы осознать их причины», в узком национализме, идейной и художественной слабости [11]. Неуместными предстают приводимые здесь же признания, что некто из дерзавших слить любовь и ненависть в «двойное добро» еще в 1909 г. в России, в «бессонные ночи зачитывался Верхарном» [36, с. 250]. В упорном сопротивлении бельгийского Льежа видели первый символ противостояния европейской цивилизации военному превосходству и милитаристской самонадеянности. Американец Эзра Паунд, остро переживший трагедию во Фландрии, призвал «не спекулировать» памятью погибших: «уймитесь двухгрошовые поэты, пусть говорят солдаты, и не пытайтесь вашей мелкой славы наскрести с руин Лувена, тлеющего Льежа, с имен Лемана и Бриальмона...» [48, с. 759]. Как ни странно и даже парадоксально это про-

звучит, но Бельгию погубила неукоснительная приверженность королевской дипломатии нормам международного права и клятвенному пониманию нерушимости принципа гарантированного, в том числе Германией, нейтралитета. Полагаясь на международное обязательство неучастия в военных союзах, бельгийцы не искали союзников вплоть до германского нападения, отказались от британского предложения о военной взаимопомощи и оборонительного соглашения с Францией.

В русском национальном самосознании почти нет представлений о той, во многом решающей, роли, которую сыграла Россия в ходе Великой войны, её вкладе в защиту европейской цивилизации и культуры. Спасение Парижа в августе 1914 г. стало прямым следствием русской победы под Гумбиненом. В работе «Париж. 1914» с талантливым и «дисциплинированным анализом» генерал-майора Михаила Романовича Галактионова (в Первую мировую войну — прапорщик после Киевского университета, затем в РККА; застрелился 5 марта 1948 г.) приводятся откровения и надежды французского командующего генерала Жоффра министру Мильерану: «Слава Богу, мы имеем благоприятные известия от русских из Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить войска отсюда на Восток. Тогда мы сможем вздохнуть...» [15, с. 62]. Из телеграммы генерала Духонина, главнокомандующего в октябре 1917 г. (убитого вскоре матросами из отряда прапорщика Крыленко, назначенного большевиками «главковерхом») в адрес русской миссии и военного аппарата в Париже явствует следующее. В минувшие три года войны, отмечал Духонин, «Россия играла главную роль в борьбе, дала возможность Англии и Америке подготовиться к боевым действиям. Ею в 1914 г. была спасена Франция жертвою первой и второй наших армий; в 1916 г. спасена Италия ценою миллиона русских жизней» [2. Оп. 1. Д. 1219. Л. 2]. «Известья о русской беспощадной са-

моотверженности» в освободительной войне на Балканах 1877–1878 гг., генерал Скобелев пророчески заметил, что Россия – единственная страна, которая позволяет себе роскошь воевать из чувства сострадания». Понесённые русские военные жертвы и утраты, по известным последующим («революционным») причинам, пребывают в забвении или сделаны на родине «несуществующими». Безвозвратные русские потери за 1914–1918 гг. составили 908 тыс. человек, только убитыми и умершими от ран. Страны Четверного союза в боях на русском фронте потеряли более 900 тыс. человек убитыми: 317,1 тыс. немцев (26,4 % всех потерь личного состава), 450 тыс. австро-мадяров (60 %), 150 тыс. турок (60 %) [57, с. 115]. Роль русского военного потенциала в операциях на Восточном фронте и на «вспомогательных» участках вооружённой борьбы на Западном и Балканском фронтах к 1915 г. после провала немецких планов разгромить Францию стала решающей. Восточный фронт из второстепенного превратился в основной. Русская армия воспрепятствовала Германии как основному противнику добиться в 1915 г. главной стратегической цели – разгромить Россию и вывести её из войны. Стратегический план Тройственного союза – поочерёдный и быстрый разгром стран Антанты на западе и востоке – оказался сорванным [37, с. 59–60]. Несостоявшиеся кайзеровские «блицкриги» повлекли за собой затяжную позиционную, «окопную» войну, которая завершилась военным, социально-экономическим и моральным измором и, в конечном счете, поражением германского блока. Такова была европейская «военная» цивилизация к 1917–1918 гг., возникшая при полном разрыве антропологической традиции толерантного единства. Она сделала неузнаваемой не только «народную картину» континента, но и поставила под вопрос идентичность Европы, расколотой противостоянием и непримиримым характером военных союзов. Антанта строилась на коалиционных основани-

ях: каждая союзная держава (французская, русская, британская, а затем и американская) обладала мощным и относительно независимым военно-стратегическим потенциалом, определявшим условия для «индивидуального» политического маневра, который позволял в ходе тотальной войны «сохранять собственные силы за счёт истощения союзников» [37, с. 45]. «Режим тотальной войны» сделал фактор людского резерва решающим ресурсом и основной предпосылкой победы для каждой из воюющих сторон. К 1916 г. военные операции как стратегических масштабов, так и тактического уровня на Восточном и Западном театрах мировой войны потеряли активный наступательный характер. Маневренное искусство в затянувшемся военном противоборстве утратило стратегический смысл. В сложившейся ситуации всеобщей «позиционной войны» противники ставили основной задачей добиться перелома в войне. Уже к осени 1915 г. французские людские резервы после кровопролитных сражений оказались настолько истощёнными, что возникло критическое положение с состоянием боеготовности военных сил главного союзника России – Франции. Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего Ю.Н. Данилов указывал: «Ещё в декабре 1915 г. военным руководством Франции рассматривалась записка, содержащая вопрос – comment creer un reservuar d'infanterie russe» [20, с. 26] (как обеспечить резерв из русской пехоты?). Направленный в Петроград представитель сенатской комиссии Думер представил план, суть которого сводилась к замене на фронте (как сообщал посол в Париже Извольский министру Сазонову) русскими французских рабочих, острая нехватка которых из-за призыва в армию ощущалась в военной промышленности, производящей вооружения и артснаряды и для России [46, с. 30]. Французское правительство в целях преодоления негативного отношения Николая II и военной Ставки к

направлению русских войск на «запретельные территории» в интересах западных союзников стремилось всемерно увязать использование людского военного ресурса России с производством и поставками для неё вооружений и боеприпасов. Думер настаивал на переброске в помощь Франции русского экспедиционного корпуса численностью 400 тыс. человек в течение года (40–50 тыс. ежемесячно). На переговорах, по свидетельству директора дипломатической канцелярии при Ставке кн. Кудашева, удалось договориться в принципе о направлении во Францию русского экспедиционного корпуса на компромиссных началах [2. Оп. 2. Д. 249. Л. 1], предусматривавших более скромные объёмы русского военного участия в операциях французской армии. Французскому сенатору было заявлено, что к середине 1916 г. русский призывной контингент до 30-летнего возраста будет исчерпан и что представление о людских ресурсах России как основы «парового катка» Антанты не более чем миф. Вместе с тем русское правительство исходило из невозможности отказать французскому союзнику не только в силу «святости союзнического долга», но и по причинам острой потребности в военно-технической помощи для обеспечения армии и флота. Ежегодно составляемая «Ведомость предметов для военного ведомства, подлежащих заказу за границей до 1 января», включала в себя всеобъемлющий набор от кавалерийского снаряжения до артиллерийского большого калибра, винтовок, самолётов и т.п. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Михаил Алексеев, будучи противником направления русских войск за рубеж, занял гибкую позицию и под воздействием мнения царя согласился на направление армейского экспедиционного корпуса в помощь союзникам, но численностью не более одной дивизии [2. Оп. 2. Д. 249. Л. 1]. Подобная позиция штаба Главного командования в немалой степени объяснялась и суще-

ствовавшим в военных и общественных кругах России мнением, что трудное положение русской армии в 1915 г., вынужденной отступать и оставить почти всю ранее занятую австрийскую территорию, явилось следствием пассивности союзников на Западном фронте. Предложенный французами принцип союзного взаимодействия как «размен» живой силы на поставки вооружения не вызывал ни сочувствия, ни поддержки в России. Генерал Алексеев, по свидетельству дипломатического представителя при ставке кн. Кудашева, и без того не сочувствовавший направлению русских войск в «заграничные экспедиции», был особенно неприятно поражен самой мыслью об обмене живых людей на «бездушное» оружие [20, с. 27]. Союзники, в частности британцы, ставили вопрос об участии русских войск не только на французском фронте, но и на Балканах. Еще в феврале 1915 г. на межсоюзном финансовом совещании в Париже британский премьер-министр Ллойд-Джордж выступил с инициативой об отправке в помощь Сербии, как сообщал представитель минфина России Барк министру Сазонову, коалиционных сил Англии, России и Франции с целью предотвратить вероятное выступление Софии против Белграда и подтолкнуть колеблющихся правительство Вензелоса в Греции и короля Румынии к присоединению к Антанте.

В русском МИДе, у Певческого моста в Петербурге, в отличие от штаба Ставки Главнокомандования поддерживали проект Ллойд-Джорджа. Один из мудрых и блестящих русских дипломатов Александр Извольский, посол в Париже, убеждал телеграммой министра иностранных дел Сергея Сазонова, что операция войск Антанты «особенно с участием русского контингента может теперь реально возыметь решающее действие» [32, С. 13]. Русский посланник в Афинах Демидов также настаивал на «необходимости участия русских войск в начавшейся в Салониках высадке... союзников» [40]⁷. Консолиди-

⁷ Телеграмма от 6 октября 1915 г. русского посланника в Афинах министру иностранных дел // Документ № 86.

рованная позиция руководства МИД и русских посольств поддерживалась царем и в целом общественным мнением. Союзнический долг и приверженность обязательствам России по спасению Европы от германской гегемонии и, по выражению военного историка А.А. Керсновского, от прусского кошмара «венценосного Каина» (Вильгельма II) подвели политическое руководство страны и командование армией осенью 1915 г. к обоснованности реального, а не символического участия русских войск в составе армий союзников и на других фронтах войны. Этому способствовало и изменение характера военных действий: маневренный этап сменился позиционным, «окопным», требовавшим использования большего людского потенциала. Немаловажным фактором решения в пользу участия экспедиционных сил России вне собственной территории явилось следующее. Французской дипломатии, опиравшейся на «благоприятствующую позицию» союзной русской дипломатии, удалось добиться отправки русских особых бригад на французский и балканский театры военных действий, используя «ресурс заинтересованности» России в вопросе о будущем Константинополя и передачи под её контроль черноморских проливов.

Формирование экспедиционного корпуса было предпринято начиная с января 1916 г. Созданная в рамках достигнутой 25 декабря 1915 г. договорённости между исполнявшим обязанности начальника генштаба генералом Александром Беляевым (с конца 1918 г. — в РККА, расстрелян за «церковно-монархическую пропаганду» 21 октября 1937 г. в Бутове, в числе девяти бывших русских генералов) и главой французской военной миссии генералом Полем По (бывший командующий Эльзасской армией) 1-я Особая пехотная бригада (8,5 тыс. человек) была в полной боевой готовности к отправке во Францию по маршруту: Иркутск, далее, по согласованию с японской стороной, Харбин — Дальний — Порт-Саид

— Марсель. Командовал 1-й бригадой, состоявшей главным образом из москвичей и нижегородцев, генерал Николай Лохвицкий, брат поэтессы Мирры и писательницы Надежды (Тэффи) Лохвицких. Морскую транспортировку бригады обеспечивали три французских судна (на одном из них, «Гималаи», в рядах 2-го полка «самарцев» из 1-й особой бригады отправлялся на французский фронт ефрейтор пулеметной команды Родион Малиновский, будущий маршал) и зафрахтованные по инициативе посла Мориса Палеолога два парохода Добровольного флота «Тамбов» и «Ярославль». Обратившийся с посланием к солдатам Николай II выразил уверенность, что русская бригада покажет себя достойной сражаться вместе с французской армией, которая стала в России предметом особого восхищения [20, с. 31].

Прибытие в Марсель русских союзников, их чествование французами носило торжественный и одновременно «трогательный» характер, Франция воспряла духом [20, с. 31]. Военным агентом во Франции гр. Алексеем Игнатьевым была обеспечена организация французским вооружением прибывшей бригады и включение в её состав «вспомогательной» группы французских офицеров.

Формирование 2-й особой бригады проходило в расчете на её предполагаемое использование на Балканах — на Салоникском фронте. Начальником 2-й особой бригады стал генерал-майор Михаил Дитерихс, активный участник русско-японской войны, в прошлом офицер военной разведки, впоследствии один из выдающихся сподвижников адмирала Колчака в гражданской войне. Дитерихс проявил себя в будущем как начальник штаба Чехословацкого корпуса, с которым прошёл в те трудные годы до Владивостока, возглавил в годы смуты в Сибири дружины Святого Креста и Зеленого Знамени (похоронен в 1937 г. на шанхайском кладбище Локавей, уничтоженном хунвейбинами в ходе культурной революции в Китае).

31 июня 1916 г. 2-я русская бригада прибыла из Архангельска в Брест и была доставлена по железной дороге в Марсель, а 30 июля русская пехота сошла с крейсера «Галлия» в Салониках. Французский посол Палеолог заявил министру Сазонову, что высадка русских войск на Балканах подтверждает братство по оружию двух европейских народов, и решение об этом доказывает «понимание Россией безответственной позиции Болгарии», занятой в пользу германского блока. В Париже генерал Дитерихс и военный агент (атташе) полковник Игнатьев были приняты на самом высоком уровне — президентом Раймоном Пуанкаре.

С самого начала пребывания русского экспедиционного корпуса во Франции не обходилось без чрезвычайных происшествий, направляемых революционной «подрывной рукой». На транспортном судне «Екатеринославль» в ходе преступных мятежных действий отдельных распропагандированных рядовых чинов был убит командир 3-го батальона 4-го полка подполковник Краузе. Убийство русского офицера мотивировалось виновными его немецкой фамилией и, как всегда в подобных случаях, подозрениями в предательстве. Русской военно-судебной практике военного времени, как, впрочем, и мирного, не известны случаи нарушения воинской присяги или тем более измены российскими подданными с немецкими, польскими и иными нерусскозвучающими фамилиями. Военно-полевому суду во главе с русским военным представителем, назначенным царем согласно императорской прерогативе военного времени, после тщательного расследования (преступники сознались в содеянном лишь после угрозы применить военно-судебную практику «децимации», принятую в армиях того времени, то есть наказания каждого десятого, если зачинщики не признаются) было предано

26 солдат, из них 8 человек непосредственных участников убийства были приговорены к смертной казни и расстреляны [3. Ф. 15234. Оп. 1]⁸. Вследствие преступного нарушения присяги и отношения к «предательскому деянию» пострадали другие солдаты и 4 офицера 2-й бригады, отправленные в Россию для привлечения к суду. Ни у кого не возникало сомнений насчёт истинных виновников и подстрекателей прискорбного события на транспорте «Екатеринославль». ». Российское законодательство не содержало соответствующих статей о наказании за деяния невооруженного, хотя и антиправительственного характера, в том числе за подпольную антивоенную пропаганду, известных радикальных, экстремистских политических группировок (ныне квалифицировались бы как террористические). Ни один из активных участников борьбы с «кровавым царским режимом», в том числе действовавших на деньги соответствующих «военно-филантропических» иностранных служб, не был предан суду, несмотря, как видно будет позже, на доказанную измену.

В мае 1916 г. состоялось новое соглашение о направлении на французский фронт еще 5 русских пехотных бригад численностью около 10 тыс. каждая. Русская сторона последовательно выполняла принятые союзнические обязательства. В сентябре 1916 г. во Францию прибыла 3-я особая бригада. Формирование 4-й бригады завершалось к осени того же года. Французское командование (генерал Жоффри) добивалось договорённости о формировании двух полноценных штатных русских дивизий, которые явились бы основой для создания в дальнейшем мощного отдельного корпуса русских экспедиционных сил на французском фронте [2. Оп. 1. Д. 1548]⁹. В рамках обязательств по оказанию военной «помощи Франции и спасения Европы» формировались 5-я, 6-я и 7-я

⁸Дело об убийстве подполковника Краузе.

⁹Телеграмма Верховному главнокомандующему русской армией 27 августа 1916 г.

особые бригады, предназначавшиеся для участия в военных действиях на Западном фронте [46, с. 55]. И лишь новые обстоятельства, вызванные прежде всего участием в войне Румынии на стороне Антанты, вынудили изменить русско-французские планы. В начале 1916 г. Румыния, оставаясь нейтральной, старалась всячески воспользоваться военной ситуацией в Европе и не упустить шансов для удовлетворения собственных территориальных притязаний за счёт австро-венгерской Трансильвании или за счёт русской Бессарабии [12, с. 150]. Понимая, что обоими шансами воспользоваться не удастся, румынское правительство не хотело рисковать и упустить хотя бы один, если опоздать присоединиться к побеждающей стороне до окончания войны [12, с. 150]. Россия, вполне отчётливо представлявшая себе реальную «боеготовность» и союзнический потенциал Румынии, была против её вступления в войну и открыто указывала на нецелесообразность для Антанты открытия румынского фронта. Переговоры с Румынией о её присоединении к Антанте явились «торгом», в ходе которого румыны добивались особых для себя условий, привилегий и уступок, настаивая на наступлении союзников с направления Салоник. Общая позиция стран Согласия сформировалась вследствие «французского давления» в пользу однозначной поддержки вступления румынского королевства в войну. Русское командование в лице генерала Михаила Алексеева вынуждено было преодолеть собственное сомнение и румынскую неуверенность и в рамках «общего демарша» союзников перед Бухарестом предприняло активные попытки добиться через русского военного агента в Риме полковника Энкеля согласия итальянского главнокомандующего генерала Кадорна на направление в Салоники дивизии берсальеров. В Санкт-Петербурге рассчитывали на понимание итальянского союзника, что трудности транспортировки и военного снабжения не позволяют русско-

му генштабу незамедлительно направить туда более одной особой бригады [20, с. 39]. В создавшейся ситуации Париж добивался спасения Румынии прежде всего за счёт русских войск. В результате восточный фронт удлинился на 400 км. Силами 4-й отдельной бригады в составе Салоникского фронта Россия также удерживала «ситуацию спасения» румынского союзника от разгрома. В России понимали необходимость ослабления активности германского блока на румынском фронте. Николай II выступил с идеей направить находившиеся во Франции русские особые бригады на Салоникский фронт. Входившие в состав союзной группировки генерала Серраля 2-я и 4-я русские бригады обеспечивали проведение операции в Македонии. Обе бригады были затем сведены в одну дивизию, часть которой после известных событий в России в октябре 1917 г. была преобразована в «Русский легион» во Франции [34, с. 412]. Судьба распорядилась, однако, согласно русскому прогнозу. Румынская армия не замедлила оказаться разгромленной австро-германцами при поддержке болгар. 6 декабря 1916 г. болгаро-турецко-германскими силами румыны были разгромлены, Бухарест оккупирован. 17 декабря Румынией подписано перемирие с германским блоком. В воспоминаниях полковника Генерального штаба гр. Павла Игнатьева отмечается возмущение Николая II «предательством болгар, всем обязанным России», его уверенность, что «болгарский народ не симпатизировал предателям, в том числе своему царю, с его бессмысленными амбициями и коррумпированными советниками» [26, с. 108].

По информации морского генштаба, по «программам переброски русских войск на зарубежные фронты» в 1916 г. морем было перевезено 43 559 нижних чинов, 844 офицера и гражданских чина, а также персонал Крестовоздвиженского русского госпиталя: 33 врача и 50 медсестёр и санитаров [46, с. 57]. Участие русского экспедиционного корпуса в составе французской

армии предусматривало в соответствии с соглашением и утвержденными царем штатами особых бригад прикомандирование к ним французских офицеров и нижних чинов для вспомогательных функций. К каждому из русских полков прикреплялось 28 французских офицеров и 124 солдата и сержанта. К штабам особых бригад прикомандировывались также по 3 французских офицера связи, переводчики, телефонисты, шофёры и др. (до 36 человек). Русские бригады активно вели успешные оборонительные операции в составе 4-й и 5-й французских армий в Шампани. 3-я бригада подверглась немецкой газовой атаке, пострадало 224 солдата и 3 офицера. Вклад русских союзников в переломные моменты боевых действий на Западном фронте получил высокую оценку французского командования.

Начавшись как шовинистическая кампания, вылившаяся в непонятную по масштабам войну с непомерными и неоправданными целями, Первая мировая война превратилась к 1916–1917 гг. в борьбу за европейскую цивилизацию, за Европу, судьбу которой ни победители, ни, тем более, побежденные не предвидели и не могли предопределить.

В конце 1916 – начале 1917 гг. в ходе межсоюзнических совещаний стран Антанты была предпринята вторая попытка выработать общий стратегический план операций с целью нанести германскому блоку решающее поражение и подвести войну к окончательному, по выражению Барбары Такман, *finis germanum* осенью 1917 г. Союзническое совещание в феврале 1917 г. в Петрограде утвердило план совместных операций. Была дана реальная оценка положению дел, имеющихся преимуществ и слабостей Антанты. Согласовано единое понимание, что преимущества русско-франко-британского союза в ресурсах противник – германский блок – компенсирует жёсткой немецкой вассальной дисциплиной для союзников, а отсюда большей оперативной слаженностью и тактической манёвренностью. «Позиционная война» к 1917 г. подтвер-

дила, что «гомогенное» геостратегическое пространство центральных держав выгодно отличается от их противников, фронты которых разрознены и зачастую мало скоординированы друг с другом.

Петроградское совещание Антанты в своих решениях по завершению войны до начала 1918 г. придавало особое значение согласованности политических и военных действий союзников, недопустимости ослабления их единства. Ставилась задача совместными усилиями не давать поводов австро-германскому блоку рассчитывать на союзническую неустойчивость или «настроения сепаратизма» в странах Согласия.

Одной из операций кайзеровской Германии по подрыву единства Антанты стали внедрение в европейское общественное сознание и циркуляция в печати подозрений о скрытых попытках России, прежде всего царя и царицы, заключить сепаратный мир с немцами. Николай II в разговоре с руководителем армейской контрразведывательной службы, а затем главой Русской военной миссии в Межсоюзническом бюро при военном министерстве Франции полковником гр. Павлом Игнатьевым (не путать с его братом, военным аташе при посольстве в Париже Ал. Игнатьевым) не скрывал озабоченности своей семьи по поводу подобной «гнусной клеветы» и просил расследовать её. Русской контрразведывательной службой было установлено, что инсинуации насчёт сепаратного мира, «пятнающие честь России и императорской семьи в глазах союзников, исходили из германских генштаба и МИДа» [26, с. 110]. В представленном Игнатьевым «государю докладу о расследовании» приводится высказывание «откровенного» германского дипломата: «Нам не интересно знать, что русский император не хочет заключать сепаратного мира, нам важно, чтобы верили этим слухам, которые ослабляют положение России и одновременно её союзников» [26, с. 112]. Впрочем, по свидетельству Павла Игнатьева, и у царя были сомнения в отношении союзников, иногда,

возможно, «не по своей воле создававших для русской армии трудности». Военная миссия России в Париже считала, что «Франция, например, всем сердцем с нами, она оплакивала наше поражение под Танненбергом». Если бы она могла легко с нами сноситься, мы получали бы всё, утверждал полковник Павел Игнатъев, чего нам не хватало. Франции же Россия могла бы направлять всё то, что она за столь дорогую цену покупала в Соединённых Штатах [26, с. 109]. В России действительно считали, что «Франция всегда вела себя по-рыцарски». Иное отношение проявлялось порой к Англии, степень взаимопонимания и взаимодействия с которой в рамках Антанты не была столь высоко доверительной. Можно предполагать, что в русском отношении к британскому союзнику учитывалась его специфика. Различные службы этой страны вели себя, судя по всему, иным образом. Руководивший Русской военной миссией во Франции полковник гр. Игнатъев в разговоре с царем указывал на разведслужбу британского союзника как «не придерживающуюся никаких моральных соображений, шпионящую как за союзными разведками, так и за вражескими, и противодействуя усилиям и тех и других в соответствии с секретными указаниями» [26, с. 109].

Антропология Великой войны, вклад России в общую победу над кайзеровской Германией окажется никчёмной без таких образов человеческого духа и воинской преданности, как полковник Генштаба Павел Игнатъев, один из носителей знаменитой русской фамилии. В Восточно-Прусской кампании, командуя 2-м эскадронном лейб-гвардейского гусарского полка, он стал свидетелем гибели корнета князя Олега Романова, сына великого поэта К. Р. (Константина Романова), ставшего первой жертвой императорской фамилии в Первой мировой войне. Один из французских коллег, Эжен Юнг, бывший вице-резидент Франции в Тонкине

и литератор, назвал его «безупречным джентльменом, абсолютно порядочным человеком, вызывавшим симпатию». История двух братьев Игнатъевых, «белого и красного» генералов, явилась обычной для России. В национальной, общественной памяти о них не осталось почти ничего. Иного не сказать. В книге о своей воинской миссии Павел Игнатъев подтверждает: «У нас слово “ничего” имеет такое же значение, как “мактуб” (судьба) у арабов». Оставшись верным России и её идеалам до конца, он безвременно закончил свои дни в декабре 1930 г. в Париже. Его потомки — канадские Игнатъевы (сын — дипломат, посол, представлявший когда-то Канаду в НАТО, внук — Майкл Игнатъев, известный журналист и аналитик). Брат Алексей Игнатъев, бывший военный агент (атташе) во Франции во время Великой войны, в последующем советский генерал-лейтенант, автор известного труда «50 лет в строю», был исключён из товарищества выпускников Пажеского корпуса и офицеров Кавалергардского полка. Под эмигрантским воззванием бывших однополчан и фронтовых друзей, призывавшим к «офицерскому суду чести» над ним, подписался и родной брат Павел Игнатъев.

Первой жертвой всякой войны становится международное право. Цицероново проречение «*silent leges inter arma*¹⁰» вступает в силу. Известный русский юрист Владимир Гессен пояснял, что вопрос о том, существует ли право войны или война «необходимо является отрицанием права», сводится к существу (в конвенциональном или правовом смысле) тех норм, которыми определяются обязанности и права воюющих сторон. Русской школой международного права в ходе начавшейся мировой войны был поставлен ряд вопросов с целью прояснить роль и место права в вооружённом конфликте. А именно: всё или не всё дозволено на войне; может ли государство ссылкой на жизненные интересы своего народа оправдать лю-

¹⁰Среди оружия безмолвствуют законы (лат.).

бое нарушение норм международного права; всё ли на войне подчиняется конечной её цели — военному успеху; все ли средства оправдываются этой целью [18, с. 484]. Цивилизованная Европа исходила из того, что право войны является неотъемлемой частью международного права. Было, казалось, общее понимание, что нормы, регулирующие международный правопорядок, и европейская жизнь в мирное время «тождественны» тем нормам и цивилизационным понятиям, которые применяются в ходе вооруженных конфликтов. Их источники — обычай и договор — одни и те же. И если право войны не является международным правом, то правового смысла оно вообще не имеет. Как отмечал Гессен, утверждения, что право войны не является правом, означают, что одна лишь сила становится началом, определяющим международную жизнь, и представляют собой не более чем «международную куртуазию» [18, с. 485]. Правовед и философ кн. Евгений Трубецкой вообще отвергал право на войну, эсхатологически усматривая в разразившейся мировой войне примитивную биологическую идеологию, вынуждающую целые народы сосредоточивать свои помыслы на одной цели — «создания большой челюсти» для сокрушения иных наций [56, с. 20].

Отношение к международному праву, приверженность его принципам и нормам или их отрицание определяют содержание вопроса, который так и остался без обоснованного ответа: кто несёт ответственность за Первую мировую войну, первую тотальную катастрофу современной цивилизации? Логика поведения государств — её участниц предрекла войну, поделив ответственность между всеми. Главным виновником, безусловно, является тот, кто поставил под сомнение принципы верховенства права в международных отношениях, сделал международный договор «клочком бумаги». Принципы международного права, включая принцип верховенства права в международных отношениях, признаются

цивилизованными странами. Критерий цивилизованности государства в правовом смысле означает, согласно 38-й статье Статута Международного суда, правопослушную нацию, признающую верховенство права [39, с. 88]. *Ipso facto* — речь идёт о верховенстве закона в государстве и императивном приоритете права в межгосударственных отношениях.

Как известно, отрицание норм международного права цивилизованных народов проявилось вскоре после первой Гаагской конференции мира в 1899 г. Ещё в 1902 г. германским генеральным штабом издаётся сборник «*Kriegsbrauch im Landkriege*» (Berlin, 1902) — в русском переводе полковника Михельсона из военно-статистического отдела Главного штаба — «Военный обычай в сухопутной войне». Основное доктринальное содержание немецкого сборника — отрицание правового характера норм, регулирующих применение вооружённой силы. Смысл войны, или *Kriegsraison*, как полагали кайзеровские военные юристы-теоретики, позволяет всякому воюющему государству применять все имеющиеся средства, способные содействовать военным целям и задачам. По представлениям авторов германской военно-правовой доктрины, реализованной в ходе европейского конфликта, военные обычаи, или военные нравы (что для того «благородного века» было одним и тем же), и в целом «приёмы ведения войны» являлись ничем иным, как добровольным ограничением воюющего государства в его собственных интересах [18, с. 485]. Кодифицированные нормы права войны, заложенные в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., по квалификации берлинских юристов и генштабистов того времени, обязательной силы не имеют и могут рассматриваться лишь как «нравственные признаки». Правовая доктрина кайзеровской юриспруденции в части права войны утверждала, что международные попытки кодифицировать обычаи войны и придать им обязательную юридическую силу ещё задолго до мировой

войны потерпели полную неудачу. Что касается вообще применения обычных или конвенциональных норм, то оно допустимо, настаивала немецкая школа права, исключительно в условиях отсутствия противоречий с так называемым принципом «военной необходимости». Таким образом, в германской доктрине права того времени не было и не могло быть норм, обязательных для армии *quand teme* [18, с. 487]. Прусская идеология, во многом определявшая немецкую жизнь и политику, не признавала, по сути, норм гуманитарного права и допускала, как считали в Европе, использование самых варварских средств в достижении военных целей. Гессен указывал, что для германского милитаризма право войны может рассматриваться как система конвенциональных норм, но не более обязательных, чем правила моды или хорошего тона [18, с. 486]. Известно (источник – «Серая книга» немецких нарушений международного права), что на заседании рейхстага 4 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег, признав де-факто неправомочность нарушений Германией международных норм, заявил: «Мы находимся в состоянии необходимой обороны, а необходимость не считается с законами».

Реконструкция цивилизационного состояния, поражения европейской идеи и такого правового императива, как верховенство права, в событиях 1914–1918 гг. выглядит как невообразимая маргинализация международного права, разрушение единства транснациональных правовых систем и правосознания Европы. Юридический образ европейского мышления уступил место государственно ограниченному политическим национальным интересам, которые обслуживались собственными правовыми школами.

Евроцентрическая нормативность цивилизации XIX – начала XX вв. утратила доминирующую роль на правовой карте мира. Создались непредсказуемые предпосылки для последующего распространения международно-правового ни-

гилизма в системе межгосударственных отношений. Впервые возникают ощущения «банкротства» международного права, оказавшегося недейственным инструментом в сохранении мира и предотвращении войны, в противодействии нецивилизованным, тотальным методам её ведения. Германское вторжение в постоянно нейтральную Бельгию, её оккупация, расправа над мирным населением явились наиболее циничным нарушением международного права. Кайзеровская дипломатия в своём «презрении к праву» не знала пределов. «Наши войска заняли Люксембург и вступили в Бельгию. Это противоречит предписаниям международного права: мы вынуждены пренебречь законными протестами люксембургского и бельгийского правительств». Это откровенное высказывание принадлежит германскому канцлеру Бетман-Гольвегу. Он, правда, обещал «исправить допущенную несправедливость», как только Германией будут достигнуты соответствующие военные цели (по материалам «Серой книги» германских преступлений периода войны). Таковы «die Lieblings-Flops» – «любимые промахи» прусской дипломатии, на взгляд одного русского посла. В стиле изощрённых прусских «манёвров» предпринималась попытка легализовать легенду о бельгийской измене принципам нейтралитета в пользу Антанты. В воззвании «К культурному миру» патриотические представители культуры и науки Германии ссылались на доказательства якобы того, что ещё до начала войны французами были приняты решения нарушить бельгийский нейтралитет. Пристрастие к захватам и международному насилию всегда сопровождается оправдательными легендами.

Реализация общей военной доктрины стран германского блока в ходе войны включает немало примеров варварского обращения с военнопленными, первых воздушных налётов на мирные объекты и бомбардировок городов, массового истребления невооружённого населения, практики безмерных контрибуций и уничтожения национально-

го исторического и культурного достояния на оккупированных территориях. Кайзеровская Германия явила систему, основанную, по выражению Владимира Гессена, на «суверенном презрении к общепризнанным началам международного права». Разумеется, было бы неверно видеть нарушения международного права и действия преступного характера только одной стороной конфликта. В условиях войны нарушения права и злоупотребление военной силой не могут быть односторонними. Принцип взаимности неизбежен и в подобных случаях выражается в военном обычае или законе, именуемом репрессалией [18, с. 487].

События тотальной войны явились тем правовым полем, где потребовалась новая апробация принципа справедливости, определяющего понятие справедливой войны. Русская школа международного права времён Первой мировой войны в квалификации войн ориентировалась на то, что только та война, которая ведётся во имя торжества права над силой, является *justum bellum*. Уровень отечественной правовой школы, по свидетельству петербургского профессора Николая Коркунова, соответствовал тому, что «в каких-нибудь полтора-два десятилетия мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в слишком шесть столетий» [33, с. 233].

Единство права и дипломатии должно обеспечивать достижение законных целей, отвечающих национальным интересам государств. Международно-правовая мысль в России обосновывала понимание вынужденности участия России в мировой войне, «исторической необходимости» и ответственности в качестве великой державы за судьбы Европы. Её вмешательство в сербско-австрийскую «распря» не может быть объяснимо лишь панславизмом или национализмом. Идеологическое противодействие интересам России того военного времени, осуществляемое через «подрывные и изменнические акции» (формулировка русской контрразведки)

радикальной, социал-революционной оппозицией, мотивировалось «космополитическим» неприятием национализма или попытками сделать его главным аргументом в начавшейся войне. Профессор С.А. Жигарев ещё перед войной, выступая против «политического особнячества» России, доказывал, что для неё нет необходимости в исповедании того национализма, который «рекомендуется её ревностными защитниками как основное, руководящее начало её внешней политики». Подобная позиция не должна восприниматься таким образом, что, отказываясь от идеологии национализма во внешней политике, Россия предпочитает «сентиментальный космополитизм», граничащий с полным равнодушием к собственным национальным интересам [25, с. 306]. Война, естественно, не могла не поколебать существовавший консенсус русского общества в пользу умеренного национального самосознания, в целом не допускавшего крайних проявлений национализма и шовинизма.

В годы «военных психозов» русская идентичность, как и национальные доктрины других европейских стран, не могла не испытывать «фатальных» просчётов и искушений. Идеолог национально-патриотических крайностей петербургский профессор Э.Д. Grimm утверждал, что «ход европейского развития» подвёл к тому, что вооружённая борьба германского и славянского мира стала стихийно неизбежной и поражение России было бы поражением всего славянства [19, с. 13–14].

Правовой анализ русских юристов развития событий накануне и в начале войны опирался как на нормативное содержание внешней и военной политики страны, так и на приоритетные задачи обеспечения её национальных интересов. Признание австро-венгерской гегемонии на Балканах для русских интересов было в международно-правовом и политическом понимании неприемлемо и невозможно. Россия не могла остаться безучастной в отношении агрессивных действий им-

перии Габсбургов против Сербии. Министр иностранных дел Сазонов указывал, что австрийское господство в той же мере нетерпимо для России, как для Британии зависимое положение Нидерландов от Германии. В конце 90-х гг. XIX в. была предпринята последняя попытка добиться сближения российской и австрийской позиций в поддержании балканской стабильности. В апреле 1897 г. в ходе визита в Санкт-Петербург императора Франца-Иосифа даже удалось достигнуть соглашения с юридическими обязательствами сторон обеспечить мирный статус-кво на балканском полуострове. Это соглашение оказалось нереализованным, главным образом, из-за австро-венгерской политики вмешательства в сербские дела и отказа Вены пойти на уступки в пользу признания взаимности интересов в этом регионе. Последовавшие визиты в Вену министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева (октябрь 1898 г.) и военного министра генерала А.Н. Куропаткина (ноябрь того же года) не изменили австро-венгерского курса на «политическое доминирование» в Сербии и аннексию боснийско-герцеговинских «анклавов». Можно полагать, что эти неудачные усилия русской дипломатии и отсутствие готовности австрийской стороны решать спорные вопросы в духе взаимного учёта интересов создали первые предпосылки последующего балканского конфликта, «поражения» международного права и начала мировой войны. Единственным результатом венских переговоров явилось согласие австрийской стороны на проведение в 1899 г. Гагской конференции мира, но с оговоркой, что Австрия не может разоружаться или уменьшать вооружения, поскольку, как писал в своём дневнике генерал Куропаткин, австрийская армия и так сильно отстаёт от уровня боеспособности русской армии. Ещё одним позитивным итогом русско-австрийских встреч, по донесению военного агента (атташе) в Вене полковника Степана Александровича Воронина, явилось то, что австрийское «раздражение

в высших военных сферах значительно улеглось» и проведению конференции здесь «желают успеха» [1. Д. 161/163. Л. 17.]. Русской дипломатии, безусловно, удалось «спасти» проведение Конференции мира и лицо русской школы международного права, но не удалось добиться закрепления примата международно-правового решения над военно-политическим интересом.

Правовая мысль России не разделяла доктрину немецкого позитивизма в философии права. Позитивная теория права, одним из родоначальников которой считался Рудольф фон Йеринг, рассматривалась русскими юристами как апология «эгоистической и своекорыстной силы». Положительное право, как следует из письма доктора фон Йеринга Бисмарку от 15 сентября 1888 г., становилось юридическим обоснованием силовой, захватнической политики («бисмарковский идеал»). Правовое сознание в России не могло принять признание положительным правом защиту интереса сильного всегда как справедливую и обоснованную. Защита права и интереса сильного в России не рассматривалась как безусловно справедливая. Правовая доктрина немцев, или «юриспруденция интересов», воспринималась как *ego in re* (ошибка по существу).

В правовых и политических оценках стран Антанты причин мировой войны преобладало убеждение во многом, как считалось тогда, обоснованное. Войну не удалось предотвратить прежде всего вследствие отрицания руководством Германии и германской правовой доктриной общепризнанных норм международного права, их усилий добиться «ничтожности» принципа верховенства (господства) права в международных отношениях. Известный правовед и консультант в области международного права барон Сергей Иванович Корф подразделял германскую правовую школу на две категории. К числу последовательных германских юристов, не признававших силу международного права, относились упомянутый

позитивист Р. фон Иеринг и Ф. Цорн. К более гибким правоведам, допускавшим «уступки» международному праву, относился некто Еллинек с его теорией самообязывающего права государств, то есть вольного права следовать или отказаться от соблюдения подписанного международного договора в силу вновь возникших обстоятельств. Распространение такой немецкой позиции во многом связывалось с тем, что в качестве модели международного договора того времени должны стать такие международные соглашения, которые содержали бы клаузулу о праве на применение принципа *rebus sic stantibus*. Как отмечал Корф, подобное «кайзеровское» понимание международного договора предполагало, что одна из сторон-участниц становится судьей, арбитром его действительности или никчемности, в зависимости от меняющихся условий и адекватности их собственным интересам. Германская доктрина права того времени предусматривала компромисс в отношении принципа ответственности, признание права на свободу субъекта международного права от юридических обязательств по международному договору. В смысле данной доктрины международно-правовая норма ни при каких условиях не могла обладать верховенством над внутренним правом. Профессор Корф приводит пример «вопиющего» нарушения немцами права в связи с началом войны, когда кайзеровский канцлер Бетман-Гольвег заявил британскому послу в Берлине, что международный договор, подписанный Германией, является лишь «клочком бумаги», выразив при этом удивление, как Англия могла «из-за такого пустяка даже думать о войне» [35, с. 510]. Квалификация русских юристов в отношении германской доктрины международного права, сводившейся к «полному отрицанию правового характера международного общения», подтвердилась и в последующих действиях национал-социалистической Германии (Гитлера) по развязыванию Второй мировой войны.

Русская школа международного права исходила из того, что правовая защита интереса сильного против слабого не может однозначно рассматриваться в качестве справедливой, а немецкий тезис «право — это политика силы» не носит правового характера. Князь Владимир Мономах когда-то призывал «не дать сильному погубить человека». Тевтонский обычай «моё право на острие моего меча» никогда не был нормой международного права. Правовая аргументация германской школы, как указывал Владимир Гессен, имеет для юридической науки такое же значение, как для географии вопрос: «Разумно ли, что истоки Рейна лежат в Альпах?» [17, с. 30]. Понимание драмы мировой войны с точки зрения норм права явилось основанием для русских юристов в полемике с немецкой школой права утверждать, что идущая по новым правилам война должна стать «войной за мир, войной за право». Именно в утверждении норм права видели тогда в России необходимость продолжения войны. «Утвердить на незыблемой основе господство права — важнейшая цель современной войны» [18, с. 505]. В одной из статей военного времени современник тех событий Владимир Эрн со ссылкой на аналогию с греческой историей писал, что «в основе трагической гибели лежит некая, часто неизвестная вина», и одной из завязок трагедии выступает «надменность, спесь»... [66, с. 36]. Те самые качества германской дипломатии и юриспруденции, питавшие трагические причины Первой мировой войны. Йохан Хейзинга отмечал, что вплоть до новейшего времени международное право, в котором выражалось «стремление включить войну в сферу культуры, покоилось на цивилизационных ограничениях». Состояние войны отличали как от состояния мира, так и от преступного насилия. Над воюющими сторонами возвышалась идея общности, признававшая партнёров человечеством с соответствующими правами и притязаниями на обращение с каждым из стана врага как с челове-

ком. И только теория тотальной войны полностью отказалась от последних элементов культурной, а точнее цивилизованной войны. В Германии, указывает Хейзинга, наступление состояние войны именуется как Ernstfall (серьезный случай). В политическом смысле он «должен означать, что, собственно, вплоть до начала войны деятельность в сфере внешней политики не достигает полной серьезности» [62, с. 289]. Данная позиция предполагает бескомпромиссность, отсутствие какого-либо признания за противником права на достоинство и гуманное к нему отношение. Известный юрист Карл Шмитт не желает «рассматривать врага даже как партнёра или соперника». Для него это противник в буквальном смысле слова, то есть тот, кого нужно убрать с дороги [62, с. 289].

По квалификации международно-правового сообщества, первой «невозвратной потерей» европейской цивилизации прошлого века явилась германская расправа над нейтралитетом Бельгии. За весь вестфальский период европейского права нейтралитет как правовая и политическая институция не переживал подобного погрома. Установленный на договорной основе в 1831 г. и подтвержденный гарантиями от 19 апреля 1839 г. со стороны Англии, Австрии, Франции, России и Пруссии бельгийский «вечный» нейтралитет явился правовым идеалом европейского порядка. Согласно ст. 7 договора о нейтралитете статус Бельгии был гарантирован как статус независимого и постоянно нейтрального государства и не допускающего права воюющих сторон в случае конфликта использовать её территорию в собственных целях. Вопрос о соблюдении бельгийского нейтралитета впервые возник в ходе франко-прусской войны 1870 г., когда Бисмарк после Седана вознамерился предпринять эвакуацию прусских раненых через бельгийскую территорию. Бельгия, опираясь на британскую поддержку, отказала тогда Берлину, вынужденному смириться и не нарушать договорных обязательств в

отношении бельгийского нейтралитета.

Нарушение кайзеровской Германией правового принципа — международно гарантированного нейтралитета и оккупация бельгийского королевства в 1914 г., полагал профессор Корф, явились важнейшим обстоятельством, «обусловившим» участие Англии в войне.

Не менее цинично оправдывалось нарушение Германией международного права в отношении нейтралитета Люксембурга. Гарантированный договором пяти европейских держав люксембургский нейтралитет, явившийся следствием договорённости Бисмарка и Наполеона III, также был «раздавлен».

Институт постоянно нейтральных государств всегда рассматривался русской школой международного права как, прежде всего, инструмент защиты малых государств, с незначительным политическим и военным потенциалом, не способных самостоятельно обеспечить собственную независимость и безопасность.

Доктрина постоянного нейтралитета отвечала интересам защиты, как указал профессор Борис Нольде, от засилья великих держав. Непризнание «германским правовоззрением» правовых и политических ограничений, налагаемых на великие державы в их отношениях с другими европейскими странами, обусловило неизбежность нарушений бельгийского и люксембургского нейтралитета.

Инфернальные цели определяли и соответствующие условия, при которых германская внешняя политика и юриспруденция сделали нейтралитет — один из традиционных, исторических институтов европейской цивилизации и международного права — юридически и политически ничтожным фетишем, обретшим преюбилитет в последующий межвоенный период и в ходе Второй мировой войны. Существующая недооценка юридических и политических последствий «взлома» нейтралитета имела самые негативные последствия для цивилизационного развития Европы. Попрание державой, называемой

когда-то «страной философов, юристов и поэтов», нейтрального статуса Бельгии, Дании, Норвегии, Нидерландов, Люксембурга явилось подтверждением того, что европейская приверженность верховенству права в решении вопросов войны и мира окончательно уступила место искушениям политики *laissez-faire*, заменив право политическими мифологиями того времени.

Кайзеровским правительством были нарушены все международные конвенции, гуманизирувавшие методы и средства ведения военных действий. Сведения на «нет», как указывал профессор С.А. Корф, нормы, содержащиеся во второй Гаагской конвенции 1899 г. — «о законах и обычаях сухопутной войны» — и получившие развитие в четвертой Гаагской конвенции 1907 г. Германский *Kriegsraison* (военная потребность) отменял положение прилагаемого регламента о законах и обычаях сухопутной войны, в частности понятие воюющей стороны, права мирного населения и т.д. Статьи 49–52 регламента четвертой Гаагской конвенции 1907 г. запрещают обложение местного населения денежными контрибуциями в виде наказания. Германские военные власти, однако, в ходе оккупации постоянно облагали бельгийские города и целые провинции, как например Брабант, непомерными контрибуциями. Германия явилась страной, впервые применившей в ходе войны отравляющие газы. Известны особые «достижения» германского подводного флота в дезорганизации международного судоходства, потоплении торговых судов, главным образом, не воюющих держав-противников, а нейтральных государств. Первенствующей была Германия и во внедрении тотального минирования международ-

ных морских путей. Профессор Корф цитирует немецкого адмирала Вернера, утверждавшего, что «во время войны не будут известны ни пощада, ни международное право». Разрушение Бельгии, уничтожение её исторических памятников культуры и гражданской инфраструктуры в ходе германской оккупации — ещё одно подтверждение презрения к международному праву и европейской цивилизации.

Среди победителей в Великой войне Россия не числится в силу известных обстоятельств. Её вклад в общую победу союзников остаётся почти неизвестным в самой России. Но в европейских странах — в Сербии, Франции и других — знают о самоотверженности русского народа в борьбе за европейскую цивилизацию, право и достоинство человека, против агрессивного насилия и произвола в войне 1914–1918 гг. Её воинские победы и жертвы сыграли, по признанию многих, решающую роль в боевых действиях союзников в 1914–1917 гг.

Россия и её союзники не нарушали норм международного права и посему не могут считаться ответственными за войну. Допущенные дипломатией стран Антанты ошибки и недостаточно взвешенная практика внешнеполитических акций и демаршей подтвердили ущербность недалёковидного анализа реалий и масштабов предстоявшей войны. Тем не менее очевидно, что ответственность за развязывание войны и нарушение международного права несут Германия и её союзники. Этот постулат Версальского мирного договора в целом был верен. Ответственным за войну всегда выступает то государство, которое нарушило международное право и сделало его принципы и нормы ничтожными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Секретный архив министра.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Штаб верховного главнокомандующего (Ставка).
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 15234. Представитель Временного правительства при французской Главной квартире.
4. *Асташов А.Б.* Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.
5. *Бехтерев В.М.* Война и психозы // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 530–604.
6. *Борин Н.* Военные операции на восточном, западном и южном фронтах // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 605–633.
7. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001.
8. *Булгаков С.* Избранные статьи. Т. 2. М., 1993.
9. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000.
10. Вера Константиновна, Е. В. Княжна. Мой отец // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1972. № 2. С. 5–15.
11. *Верхарн Э.* Избранное. М., 1955.
12. *Виллмотт Г.П.* Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010.
13. *Врангель Н.Н.* Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.
14. Вторая Отечественная война по рассказам ее героев. Петроград, 1915.
15. *Галактионов М.Р.* Париж 1914. Темпы операций. М., 2000.
16. «Гвардейское дело» // Энциклопедия «Санкт-Петербург». СПб.: РОССПЭН, 2004. С. 185.
17. *Гессен В.М.* Возрождение естественного права. СПб., 1902.
18. *Гессен В.М.* Война и право // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 484–506.
19. *Гримм Э.Д.* Борьба народов // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 1–19.
20. *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918. М., 2010.
21. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990.
22. *Дехийо Л.* Хрупкий баланс. М., 2005.
23. Дневники Императрицы Марии Федоровны. М., 2005.
24. *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого засилья. М., 1968.
25. *Жигарев С.А.* Россия в среде европейских народов. Историко-юридические очерки. СПб., 1910.
26. *Игнатьев П.А.*, гр. Моя миссия в Париже. М., 1999.
27. История Дании / Под ред. Стена Буска и Хеннинга Поульсена. М.: Весь мир, 2007.
28. История России. XX век: 1894–1939 / Под ред. А.Б. Зубова. М., 2009.
29. *Кареев Н.И.* Прошлое двух союзов европейских держав // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 20–47.
30. *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 4. М., 1994.
31. *Киган Дж.* Первая мировая война. М., 2002.
32. Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1926. Т. 2.
33. *Коркунов Н.М.* История философии права. М., 2010 (репринт).
34. *Корняков А., Горохов Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках. Париж, 2003.

35. Корф С.А., бар. Современная война и международное право // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 507–531.
36. Ленин о литературе: Сб. статей и отрывков. М.: Гослитиздат, 1941.
37. Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников: По опыту первой и второй мировых войн. М., 1988.
38. Манн Т. Аристократия духа. М., 2009.
39. Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010.
40. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Серия 3. 1914–1917 [Т. 1–10]. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931–1938; Т. 7. Ч. 2. 14 января – 23 мая 1915 г. / Подгот. к печ. Ф.О. Нотович, при участии Л.А. Телешевой и С.А. Левиной. – 1935. XX, 535 с.
41. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. Кн. 1.
42. Мольтке, Хельмут фон. Русские письма. СПб., 2008.
43. Монтерлан, Анри де. Дневники 1930–1944. СПб., 2002.
44. Музиль Р. Человек без свойств. М., 2008.
45. Новорусский М.В. Война и новые отрасли русской промышленности // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 466–483.
46. Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М., 2011.
47. Палей В., кн. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996.
48. Паунд Э. Стихотворения и избранные Santos. СПб., 2003.
49. Репортаж: 150 лет со дня рождения академика Владимира Бехтерева // Телерадиокомпания «Петербург» (5-tv.ru). 2007. 1 февраля.
50. Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971.
51. Розеншильд фон Паулин А.Н. О причинах «нервности» армии // Государственная оборона России: Императивы русской военной классики. М., 2002.
52. Сабашников М.В. Записки. М., 1995.
53. Свечин А.А. Опасные иллюзии // Государственная оборона России: Императивы русской военной классики. М., 2002.
54. Соловьев Ю. 25 лет моей дипломатической службы. М.; Л., 1928.
55. Сумароков А. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М.: ОГИ, 2009 (репринт изд. 1774 г.).
56. Трубецкой Е.Н., кн. Умозрение в красках. М., 2012.
57. Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы: людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. М., 1960.
58. Франк С. Кумир культуры. Русская идея. (Сборник). М., 1994. Т. 1.
59. Фриче В.М. Германский милитаризм и его отношение к культуре // Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. проф. Туган-Барановского. Петроград, 1915. С. 179–192.
60. Фудель С. Путь отцов. М., 2004.
61. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011.
62. Хейзинга Й. Homo Ludens. СПб., 2011.
63. Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке. Челябинск, 1998.
64. Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 1987.
65. Шацлло В. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. (Архив). М., 2003.
66. Эрн В. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915.
67. Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000.
68. Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М., 2007.
69. Deutsche Litteraturgeschichte. Erster Band. Bielefeld; Leipzig, 1893.
70. Dönhoff, Marion Gräfin. Kindheit in Ostpreussen. Berlin, 1988.
71. Elisabeth, Kaiserin. Das poetische Tagebuch. Wien, 2008 (пер. авт.).
72. Kellermann V. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben. Berlin, 1979.
73. Lettres juives. T. VIII. A la Haye, 1764.
74. Oeuvres du philosophe de Sans-Souci. Tome I. Potzdam, MDCCLX (1760), (пер.авт).
75. Saxo Grammaticus. Danmarks Riges Krønike. København, 1984.
76. Schütte G. Dansk folkekarakter. København, 1928.
77. Verlaine P. Choix de Poesie. Paris, 1928.

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2009 г. в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.), Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

В настоящее время в состав ИМИ входят одиннадцать научных центров:

Центр глобальных проблем,
Центр постсоветских исследований,
Центр БРИКС,
Центр евро-атлантической безопасности,
Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
Центр ближневосточных исследований,
Центр региональных политических исследований,
Центр партнерства цивилизаций,
Центр североамериканских и балтийских исследований,
Аналитический центр.

Директор ИМИ – *А.А. Орлов*, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (до мая 2009 г. – «Аналитические доклады» НКСМИ) издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учёными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru